

КИМ ТЕРН

18+

НЕ ИДЕАЛЬНЫЙ
СОСЕД

Ким Тёрн

Неидеальный сосед

«Автор»

2025

Тёрн К.

Неидеальный сосед / К. Тёрн — «Автор», 2025

Моя жизнь в один миг превратилась в сплошной кошмар - стресс, апатия, галлюцинации...А потом я встретила его — идеального соседа, который понимает меня без слов.Я стала одержима им...Осталось только придумать, как избавиться от его девушки. И тогда он навсегда станет моим.Или я — его?..

© Тёрн К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

До разрушения осталось...	5
...17 дней	5
...16 дней	8
...15 дней	13
...14 дней	18
...13 дней	21
...12 дней	24
...11 дней	28
...10 дней	32
...9 дней	36
...8 дней	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ким Тёрн

Неидеальный сосед

До разрушения осталось...

...17 дней

– Гаррет, я миллион раз просила тебя сразу вытаскивать мокрую одежду из стиральной машины! Неужели так сложно? Почему я должна приходить с работы уставшая и развешивать твои чёртовы вещи? – я раздражённо вытаскиваю всё из стиральной машины и несу на балкон, чтобы развесить их на сушилке.

– Да брось, Элли, вещи постирались всего десять минут назад, ничего с ними не случилось за это время. Ну же, детка, успокойся. Хочешь я сделаю тебе расслабляющий массаж? – встаёт у меня на пути Гаррет.

– Раз уж живёшь в моей квартире, будь добр, делай как я говорю, – произношу зло сквозь зубы.

– Серьёзно? Будешь упрекать меня тем, что это *твоя* квартира? Я живу здесь с тобой уже три месяца и оплачиваю аренду сам!

– Три месяца назад ты припёрся со своими вещами и даже не спросил моего мнения, хочу ли я вообще жить с тобой.

– Ах вот как... ну и ладно. Знаешь, мне надоело терпеть твои истерики. Я каждый день пытаюсь заботиться о тебе и твоём комфорте – готовлю тебе ужин, убираюсь, как ты говоришь в *твоей* квартире, делаю тебе подарки, пытаюсь сделать всё, чтобы тебе было хорошо. Но вместо благодарности выслушиваю только твои жалобы на то, как ты устаёшь на работе и вечное недовольство в свой адрес. Могла бы хоть раз сказать спасибо.

– Уйди.

– Что? – удивлённо спрашивает он, явно не ожидая такой реакции от меня.

– Сегодня я хочу побыть одна. Просто уйди.

– Ясно. Хорошо. Позвони, когда успокоишься, истеричка.

Не сказав больше ни слова, я выхожу на открытый балкон. На улице душно, от чего кажется, что воздух тяжёлый. Поскорее бы прошёл дождь. Город будто уснул. Лишь редкие звуки машин и неясные голоса доносятся с улицы, но мне не нужно больше ничего. Я никогда не жалела, что выбрала квартиру в этом спальном районе. Шума городской жизни мне хватает и на работе. Здесь, стоя на балконе, я нахожу тишину, которая так мне нужна.

Слышу, как хлопнула входная дверь. Он ушёл. Всё, что ещё недавно я пыталась держать в себе, теперь превращается в комок злости. Я кидаю мокрые вещи на пол, сжимаю кулаки, пытаюсь сдержать вспышку эмоций, и всматриваюсь в ночное небо. Сегодня погода ясная, а в этой тишине каждая звезда кажется ближе, почти рукой подать. Вдохнув свежий, прохладный воздух, я начинаю считать, чтобы успокоиться. Один... два... три... четыре... пять... Я чувствую, как напряжение постепенно уходит, как раздражение растворяется, продолжаю глубоко дышать, пока не начинаю ощущать спокойствие в своих мыслях. Я открываю глаза, делая ещё несколько глубоких вдохов, и, чувствуя, что наступило умиротворение, поднимаю вещи с пола. Начинаю аккуратно развешивать их, не торопясь, как будто с каждым движением убираю не только вещи, но и всё лишнее из своих мыслей.

– Добрый вечер, – вдруг слышу и вздрагиваю от неожиданности.

Поворачиваю голову направо и вижу незнакомого мужчину. В темноте не могу отчётливо разглядеть его, вижу лишь, что он среднего роста и явно худого телосложения. А еще в капюшоне. Кто вообще надевает капюшон в такую духоту? Замечаю свет от кончика сигареты, которую он подносит к губам.

– Добрый вечер, – решаю быть вежливой, но, если честно, не хочется сейчас ни с кем разговаривать.

– Я – Кларк, ваш новый сосед. Заехал в квартиру на прошлой неделе.

– Очень приятно Кларк, – повесив на сушилку последнюю вещь я разворачиваюсь и иду в сторону двери.

– А вас как зовут? – не успокаивается мой новый сосед.

– Эллис. Простите, Кларк, уже поздно, мне пора спать. Рада была знакомству.

Возвращаюсь в гостиную, закрываю балконную дверь и осматриваю комнату. Небольшой кухонный гарнитур в углу помещения, круглый обеденный столик на двоих, маленький, но уютный синий диванчик и небольшой телевизор. Никаких семейных фотографий, разбросанных вещей или всякой мелочёвки, привезённой с отпусков. Только несколько ярких обложек книг в шкафу со стеклянной дверцей. На первый взгляд можно подумать, что тут никто не живёт. Но мне и не нужно много вещей, дома меня почти не бывает, всё моё время забито работой. Смотрю на часы и вижу, что уже почти полночь. Я ещё не ужинала, но единственное, чего мне сейчас хочется, это поскорее лечь спать.

Подхожу к духовке и открываю дверцу. По комнате сразу разлетается невероятный аромат запечённой рыбы с травами, которую Гаррет приготовил на ужин. Стоит признать, готовит он восхитительно, хотя неудивительно, он ведь повар в популярном ресторане нашего города. Чувствую, как во рту скапливается слюна от аппетитного вида и запаха блюда, но всё равно кладу еду в холодильник и закрываю дверцу чуть сильнее чем нужно. Сил сейчас нет даже на то, чтобы принять душ.

Иду в маленькую спальню, где помещается только кровать, пара узких прикроватных тумбочек и небольшой шкаф для одежды. Снимаю с себя футболку и джинсы и кидаю вещи на пол, мечтая поскорее оказаться под одеялом. Сделав пару шагов, я всё же не выдерживаю. Возвращаюсь к куче одежды на полу, поднимаю её и несу в ванну, чтобы бросить в корзину для белья.

Когда я наконец оказываюсь в кровати, сон не идёт. Мои мысли не дают мне покоя, как будто они все вдруг решили появиться одновременно и закрутиться в бурном водовороте. В голове снова и снова звучат слова Гаррета, его обвинения, его фраза, что он заботится обо мне. Он говорит, что я веду себя как неблагодарная истеричка, что не ценю его усилий. Эти слова не отпускают меня. Может, он действительно прав? Я снова и снова прокручиваю моменты, когда он приходил домой и готовил ужин, каждый раз с улыбкой, с заботой, будто ничто не могло омрачить его день. А я... Я просто принимала это как должное. Так ли часто я говорила ему «спасибо»? Так ли часто я обращала внимание на то, что он делал для меня, на то, за что мне было бы нужно сказать хотя бы пару добрых слов в ответ? Каждый вечер, на протяжении этих трёх месяцев, он ждал меня с горячим ужином, с заботой в глазах, и я лишь принимала это молча, как само собой разумеющееся.

Скользя взглядом по тёмному потолку, я ощущаю, как внутри меня растёт пустота. Почему я никогда не думала об этом раньше? Почему мне так трудно было просто сказать «спасибо»? Я ведь должна ценить его, а не быть вечно поглощённой собой и своими проблемами.

За все мои двадцать восемь лет у меня до Гаррета не было серьёзных отношений. Ни один парень не выдерживал моего характера. Я всегда была слишком требовательна как к себе, так и к окружающим. Дурацкий синдром отличницы. А Гаррет... перспективный молодой парень, который принимает меня такой какая я есть. Ещё и красавчик, что обзавидуешься – высо-

кий блондин с выразительными серыми глазами и идеальной спортивной фигурой. Он даже несколько раз получал предложения сняться для рекламы мужского нижнего белья... Если он бросит меня, вряд ли я когда-нибудь снова вступлю в отношения. Наверное, он прав. Я слишком устаю на работе и срываю своё паршивое настроение на нём. Я пытаюсь уснуть, но меня гложет совесть, что я выгнала Гаррета.

Вдруг... Слышу шаги в гостиной. Снова. В последние дни всё чаще кажется, что я схожу с ума. Все время слышу странные звуки, не помню куда положила свои вещи, с чувством времени какие-то проблемы. А ещё я стала ужасно раздражительная. Гаррет прав, я сильно переутомляюсь на работе и мне нужен перерыв. Ещё один шаг в гостиной. Прямо возле спальни. Я задерживаю дыхание, вглядываюсь в темноту через приоткрытую дверь. Сердце стучит так громко, что кажется, его слышно в соседней комнате. Но никого нет. Я схожу с ума. Меня это уже не на шутку пугает. Не в силах больше думать об этом, я беру телефон и набираю номер.

– Да?

– Гаррет... – слова встают комом, и я не могу ничего сказать.

– Успокоилась?

– Да. Прости. Возвращайся домой. В *нашу* квартиру, – всё-таки беру себя в руки и произношу эти слова.

– Я никуда и не уезжал. Сиж в парке возле дома. Сейчас поднимусь, – его голос звучит мягко, без капли осуждения.

Положив телефон на тумбочку, я поднимаюсь с кровати и подхожу к шкафу. Достая оттуда его любимый красный комплект белья – кружевной корсет и стринги. Переодевшись, смотрю на себя в зеркало на двери шкафа. Исхудавшее тело, растрёпанные волосы, тёмные круги под глазами... завтра мне вставать на работу рано утром, но я чувствую свою вину перед Гарретом. Слышу, как открывается входная дверь. Звук шагов и он оказывается в спальне.

– Выглядишь чертовски сексуально, малыш, – говорит он, рассматривая меня.

Я слегка улыбаюсь, подхожу к нему и притягиваю к себе для поцелуя. Нежно прикусываю его нижнюю губу и чувствую, как его руки крепко сжимают мою талию. Он притягивает меня ещё ближе и начинает покрывать горячими поцелуями мою шею. Гаррет страстный любовник. Он знает, как сделать мне приятно и умело этим пользуется. Подхватив меня на руки, подходит к кровати. Я ложусь на спину и наблюдаю как он раздевается. В комнате темно, и мне даже немного жаль, что я не могу рассмотреть его идеальное тело. Зато и он не увидит моё – совсем неидеальное. Навалившись на меня сверху, он снова страстно целует меня. Я поддаюсь его ритму, позволяя всему происходить так, как мы привыкли. Его руки скользят по моей коже, ловко нащупывая чувствительные точки, но моё тело отвечает скорее механически, чем искренне. Я знаю, когда вздохнуть, когда выгнуться, когда сжать его плечи, чтобы дать ему ощущение, будто я вся в этом процессе. Гаррет наслаждается каждым моментом. Он не замечает моей отстранённости. Или не хочет замечать. Для него я горящая от страсти, отзывчивая, желающая близости любящая девушка. Для меня же это всего лишь притворство, чтобы не огорчать его. Он шепчет моё имя, просит открыть глаза, но мне легче оставаться в темноте. Я позволяю ему довести нас до оргазма, подстраиваясь под его темп, издавая нужные звуки в нужный момент. Всё как всегда – слаженно, идеально, но без настоящего огня внутри. Когда всё заканчивается, он удовлетворённо откидывается на спину, а я молча смотрю в потолок.

Я лежу в темноте и прислушиваюсь к ровному и спокойному дыханию Гаррета. Он уже спит... Наверное, это и к лучшему. Я не люблю долгих разговоров после секса, не люблю, когда внимание слишком сильно обращено ко мне. Иногда мне нужно просто побыть в тишине, в этом ощущении уединения, без слов. Я тихо переворачиваюсь на бок, отворачиваюсь к нему спиной, стараясь не будить. В комнате темно, только слабый свет уличных фонарей проникает через шторы. Складываю руки под подушку и постепенно погружаюсь в сон. Мысли не исчезают, но они становятся далёкими, словно я начинаю отпускать их, позволяя себе отдохнуть.

...16 дней

Меня выдёргивает из сна звук будильника.

– Малыш, выключи... ужасно хочу спать... – хрипло стонет Гаррет.

Я тоже хочу спать. Но мне надо на работу.

Выключаю будильник, тихо встаю с кровати и иду в ванную. Прохладный душ помогает смыть сонливость и липкость от пота после секса. Не высушив волосы, собираю их в небрежный пучок и понимаю, что забыла взять чистую одежду из шкафа. Чёрт. Если я вернусь в спальню и случайно разбужу Гаррета, он будет капать мне на мозг, что я не даю ему выспаться. Вспоминаю, что на балконе уже наверняка высохла вчерашняя постиранная одежда и решаю взять что-нибудь чистое оттуда. Оборачиваю вокруг себя полотенце и иду на балкон.

На улице уже утро, но из-за пасмурной погоды кажется, что рассвет ещё не наступил. Ну, зато может наконец пойдет дождь и смоет эту духоту. Беру одежду с сушилки, но морщусь, понимая, что она ужасно мятая. Хотя какая разница, на работе я всё равно переоденусь в рабочую форму.

– Доброе утро.

Я вскрикиваю от неожиданности, полотенце падает, быстро поднимаю его, пытаюсь прикрыться и оборачиваюсь.

– Боже мой... Кларк, да? Вы меня напугали!

– Простите, не хотел вас смутить. Но и стоять, молча наблюдая за тем, как вы переодеваетесь тоже показалось мне плохой идеей, я же не маньяк, – так непринуждённо смеётся он, от чего мне становится ещё более неловко.

Сейчас, при свете дня я могу получше его рассмотреть. Вчера, услышав его звонкий, чистый голос, я представляла соседа другим. А он оказался обычным, совсем не примечательным молодым парнем. Брюнет с глубоко посаженными глазами, впалыми щеками и бледной кожей.

– Элли! – на балкон вылетает Гаррет. – Что случилось? Мне показалось или ты кричала?

– Всё в порядке, просто столкнулась с новым соседом и испугалась.

Гаррет поворачивает голову в сторону Кларка, а потом снова смотрит на меня. Я вижу, что он явно недоволен.

– Почему ты стоишь перед ним в таком виде? – Гаррет пытается говорить спокойно, но я же знаю его.

– Вышла за чистой одеждой и не знала, что встречу тут с ним.

– Простите за недоразумение, – вдруг говорит Кларк спокойно и с улыбкой. Ох, знал бы он, что если Гаррет начинает ревновать, то его милой улыбкой не задобрить...

– Чтобы больше не смел подглядывать за моей девушкой, извращенец!

– Гаррет, прекрати! Я же сказала уже, что это вышло случайно!

Не желая больше ничего слушать, Гаррет хватает меня за руку и затаскивает в квартиру.

– Ты грубиян!

– Небось специально потащилась на балкон в таком виде, чтобы покрасоваться перед этим придурком!

– Я потащилась на балкон чтобы не разбудить тебя! Ты же мне потом весь мозг вынесешь!

– Кто он?

– Сказала же, что новый сосед! Так... всё... я не собираюсь продолжать этот разговор, мне пора на работу.

Я залетаю в ванную и захлопываю дверь, чтобы одеться. Чёрт! Платье с сушилки, которое я собиралась надеть, так и осталось на балконе. Сделав глубокий вдох, я резко открываю дверь,

чтобы пойти за вещами в спальню. Но на пороге меня встречает Гаррет и протягивает мне стопку чистой одежды.

– Ты же знаешь, что... – начинает он, но у меня нет никакого желания его слушать. Просто выхватываю одежду у него из рук и захлопываю перед ним дверь. Быстро надеваю чёрную футболку и джинсы скинни, выхожу из ванной и прохожу мимо Гаррета, даже не взглянув в его сторону. Обуваясь, хватаю свой рюкзак и спешно покидаю квартиру. День только начался, а меня уже всё бесит.

Добравшись до работы на такси, я выхожу на тротуар, бросаю быстрый взгляд на здание и глубоко вздыхаю, настраиваясь на день. Автоматические двери раздвигаются, впуская меня внутрь, и сразу же в лицо ударяет поток прохладного воздуха, смешанного с запахом антисептика. В холле уже оживлённо – ещё только раннее утро, а людей толпа. Кто-то спешит к лифтам, неся в руках бумажные стаканчики с логотипом кафе, кто-то задерживается у стойки информации, рассеянно просматривая документы. Возле панорамных окон стоят несколько сотрудников, оживлённо переговариваясь, а в стороне уборщица протирает зеркальные поверхности, оставляя после себя едва уловимый запах чистящего средства. Я направляюсь в раздевалку, приветливо кивая знакомым лицам. Встав перед шкафчиком, быстро стягиваю с себя одежду и переобуваясь, затем надеваю рабочую форму, привычными движениями застёгивая пуговицы. Проверяю, всё ли на месте – бейдж, блокнот, ручка. Готово. Поправляю волосы и направляюсь к стойке регистрации, где уже началось привычное утреннее оживление.

– Доброе утро Аманда, хотя у меня оно явно не доброе. Что нового за ночь?

– Элли, я думала ты возьмёшь выходной после того, как почти двое суток работала без сна, – жизнерадостно восклицает Аманда. Мне бы хоть каплю её позитивного настроения.

– Отдых для слабаков. Так...ой, а почему ты в косынке?

Видю, как Аманда хитро улыбается и тут она хватается меня за руку и тащит в сторону подсобки. Мы заходим, она закрывает за нами дверь и резко сдергивает с себя косынку.

– Та-дам! – она улыбается как маленький ребёнок, который получил долгожданную игрушку.

– О боже... – я не верю своим глазам. – Аманда, твои волосы, они же красные...ну, то есть прям как переспелый помидор...

– Ага, нравится?

– Эм...да...хотя чему я удивляюсь...

Аманда весело смеётся и начинает заново завязывать косынку на голове.

Я познакомилась и подружилась с ней, когда начала работать в Саммит Джeneral Хоспитал. Сейчас мы обе рядовые медсёстры в реанимации, и, если честно, я не прям мечтаю расти по карьерной лестнице. Идею поступить на медицинский мне внушила моя мать. Она всегда мечтала, чтобы в семье был врач. И несмотря на то, что я закончила медицинскую школу с отличием, это совсем не то, о чём я мечтаю.

– Элли, ты идёшь? – прерывает мои мысли Аманда. – Тот пожилой мужчина, которого привезли вчера вечером с ожогом ноги, говорит, что позволит делать перевязку только тебе. Так что удачи!

– Ладно... – больше ничего не сказав, я направляюсь в палату.

Иду по коридору и наблюдаю привычную картину. Каталки с неподвижными телами, мигающие мониторы, торопливые шаги врачей. Запах антисептика вперемишку с чем-то металлическим. В одной из палат пищит аппарат – кто-то теряет пульс. Всё как всегда. Всё что угодно, кроме тишины.

– Доброе утро, мистер Уиллис, как ваше самочувствие? – подхожу к больничной койке и улыбаюсь пожилому мужчине.

– Всё хорошо, моя дорогая. Нога ноет, но мне уже дали обезболивающее, – он также улыбается в ответ.

- Мне сказали вы не разрешаете никому сделать себе перевязку?
- Другие медсёстры грубы, – говорит он обиженно, как маленький ребёнок.
- Хорошо, давайте я осмотрю вашу рану и обработаю её.

Я подхожу к его ноге и собираюсь начать делать то, что делала уже сотни раз. Я даже не задумываюсь о действиях, просто выполняю все на автомате. Надеваю одноразовые перчатки, снимаю повязку с раны мистера Уиллиса... и застываю.

Раны нет.

Гладкая кожа, без следов ожога. Я моргаю несколько раз, сердце начинает бешено колотиться. Но когда я смотрю снова – ожог на месте. Красная воспалённая кожа. Всё так, как и должно быть.

Боже, что со мной?

Аккуратно удаляю старую повязку. Осматриваю и очищаю ожоговую поверхность антисептиками. Наношу мазь для заживления. Перевязываю новой стерильной повязкой.

– Вот и всё, ожог серьёзный, но ничего критичного, так что вы быстро пойдёте на поправку. Но антибиотики всё же нужно пропить, чтобы избежать заражения.

– Как скажете дорогая, как я могу отказать такой милой девушке, – лукаво улыбается мистер Уиллис.

– Вы меня смущаете, – я правда чувствую, как к щекам приливает жар.

Мистер Уиллис лишь подмигивает, я передаю ему лекарство со стаканом воды, делаю несколько записей в его карте и, улыбнувшись ему, выхожу из палаты.

Всё время до обеденного перерыва я провожу за рутинной работой: мониторию состояния пациентов, ставлю капельницы, делаю массаж особо-тяжёлым пациентам для профилактики пролежней, заполняю бесконечную медицинскую документацию. Утро проходит без экстренных ситуаций, что случается довольно редко. Сегодня тот редкий случай, когда я могу позволить себе спокойно пообедать, а не жевать сэндвич из автомата на бегу. Поэтому, я прохожу в ординаторскую и разогреваю обед, который положила в холодильник ещё вчера.

– Неужели выдалась свободная минутка? – слышу за спиной знакомый голос.

– Ага, у тебя тоже?

Я оборачиваюсь и приветливо улыбаюсь Марселю, нашему лаборанту.

– Представляешь, я сегодня потерял пробирку для анализа крови, – он делает виноватое лицо и чешет затылок.

– Ой. Мне жаль. Может она еще найдется?

– Уже нашлась! Я искал её полчаса. Всю лабораторию на уши поднял. А потом знаешь что? Я увидел, что пробирка спокойно лежит в стакане для ручек! Но в любом случае она уже испорчена, и пришлось брать новый анализ крови.

Мы смотрим друг на друга несколько секунд, а потом не сдерживаемся и начинаем смеяться.

– Да уж. А я думала только я настолько устала, что не вижу ничего прямо перед своим носом.

Мы садимся обедать, и я даже успеваю выпить чашку не остывшего чая.

– Хорошего дня, Марсель, – машу рукой, выходя из ординаторской.

Остаток рабочего дня проходит также спокойно, что даже кажется мне подозрительным. Убедившись, что срочных дел не осталось, я принимаю душ, переодеваюсь и выхожу из здания больницы. Асфальт всё еще влажный после обеденного дождя, но на улице тепло. Смотрю на часы и понимаю, что Гаррет уйдет на работу только через час. После утреннего конфликта у меня нет никакого желания пересекаться с ним. Поэтому решаю пройтись до дома пешком.

Я захожу в квартиру и сразу, с самого порога, погружаюсь в тишину. С облегчением замечаю: Гаррет уже ушёл на работу.словно груз спадает с плеч. Скидываю обувь, аккуратно ставлю её на полку в шкафу и прохожу вглубь квартиры. Направляюсь на кухню, надеясь

поесть что-нибудь горячее. Но на кухне пусто. Ни привычного аромата свежеприготовленного ужина, ни оставленной записки. Я останавливаюсь, хмурую брови. Странно. Даже когда мы ссорились, Гаррет всегда оставлял мне еду – молчаливый жест заботы, который сохранялся между нами даже в самые напряжённые моменты. Неприятное чувство зарождается внутри, но я тут же отмахиваюсь от него. Вспоминаю, что в холодильнике осталась вчерашняя рыба. Вот и отлично. С облегчением вздыхаю, направляясь к холодильнику.

– Чёртов Гаррет, – ругаюсь я, обнаружив что дверь холодильника не плотно закрыта.

Я говорила ему миллион раз, что этот вечно гудящий железный короб уже старый, и нужно всегда проверять, чтобы дверца была плотно заперта.

Настроение опять подпорчено. Достāju рыбу, кладу порцию на тарелку и разогреваю её в микроволновке. Сажусь на диван перед телевизором, машинально уставившись в экран, но смысл происходящего ускользает. Мысли витают где-то далеко.

Доев ужин и окончательно потеряв интерес к фильму, иду на кухню, мою посуду и завариваю себе горячий фруктовый чай. Затем выхожу на балкон. Сажусь прямо на холодную плитку пола, делаю глоток и замираю, всматриваясь в огни вечернего города. Я почти не двигаюсь. Просто сижу и смотрю перед собой, провожая взглядом медленно плывущие по улицам вдалеке огни машин. Где-то внизу слышатся приглушённый смех, чьи-то шаги, обрывки чужих разговоров. Жизнь продолжается. А у меня – пустота. В груди поселилось странное чувство. Оно не похоже на усталость, не похоже на обиду. Скорее, на ожидание чего-то, что я не могу точно определить. Ссоры с Гарретом, недосказанность, раздражение – всё это будто постепенно выматывает меня. Я знаю, что, когда он вернётся, мы снова перекинемся парой фраз, возможно займёмся сексом и помиримся. А завтра всё повторится. Задержав дыхание, я подношу чашку к губам и делаю ещё один глоток.

– Добрый вечер.

– Да боже мой! – вскрикиваю я, едва не пролив на себя горячий чай. – Вы меня так и будете продолжать пугать?

– Извините, не хотел.

– Да ладно, всё в порядке. Это вы извините за то, что случилось утром. Мой парень бывает вспыльчив. А еще он ужасный ревнивец, хотя не вижу для этого причин.

– Как же? Я вот могу его понять.

– В каком смысле?

Наблюдаю, как Кларк медленно прикуривает сигарету и делает затяжку. Затем смотрит на меня и выдыхает густой дым.

– Эллис, вы в порядке?

– Что? Конечно.

– Вы вдруг замолчали и устали в одну точку... Я подумал, что вам плохо.

Что? Я замолчала? На секунду мне показалось, что мы только начали разговор.

– Не поймите меня неправильно, но вы очень красивая девушка.

– Ха, – не могу сдержать усмешки, – самая обычная. Средний рост, шатенка, карие глаза, без пухлых губ и выдающихся форм.

– А можно сказать по-другому. Фигура миниатюрна и изящна, каждая линия тела наполнена утончённой женственностью. Густые каштановые волосы мягкими волнами ниспадают по плечам, улавливая тёплый свет и отливая тёмным золотом. Но главное – глаза. Глубокие, выразительные, насыщенного карего оттенка, они кажутся бесконечными, словно хранят в себе целый мир – тайны, эмоции, огонь, который невозможно потушить.

– Ого, как поэтично... Но вы мне просто льстите.

– А вот и нет. Я фотограф. И поверьте, за годы работы я научился разглядывать настоящую красоту.

От услышанного комплимента мне становится немного неловко, но не могу не признать, что это приятно.

– А я обычная медсестра, – говорю зачем-то. – И всё, что я вижу на своей работе – это боль, страдания, кровь и слёзы. Вряд ли тут можно найти что-то красивое.

– Вот как... Стоп. Вы случайно не в Саммит Джeneral Хоспитал работаете?

– Да... а откуда вы знаете?

– Я сразу понял, что ваше лицо мне знакомо! Только не мог вспомнить, где видел вас. А теперь всё встало на свои места. Месяц назад я попал туда с глубоким порезом на руке, и вы делали мне перевязку.

Я немного удивлена. А еще мне неловко, что я его совсем не помню.

– Вы то, скорее всего, меня не помните, даже не представляю, сколько людей в день вы встречаете, у вас в голове, наверное, уже все лица смешались.

Я улыбаюсь ему благодарно за то, что он отнёсся ко мне с пониманием.

– Я тогда ещё увидел ваше имя на бейдже, – продолжает он, —и подумал, если бы мы поженились, вы бы стали миссис Эллис Эллис.

– Что это значит? – спрашиваю удивлённо.

– Моя фамилия Эллис.

– Вот это да, – я уже правда не могу сдержать улыбку. – Действительно прикольно. Как ваша рука?

– В порядке. Шрам останется, но ничего. Вроде как говорят, что мужчине шрамы только красят. Вы, наверное, очень устаёте на работе... Медсёстры всегда так загружены. Я восхищаюсь такими людьми.

Я допиваю чай и чувствую, как на лицо падает несколько капель. Снова начинается дождь.

– Пойду я спать, – говорю, поднимаясь с пола. – И давай на «ты»?

Он тушит сигарету и, улыбаясь, говорит:

– Давай. Спокойной ночи, Эллис.

Возвращаюсь внутрь квартиры с чувством лёгкости. Давно у меня не было таких обычных разговоров. С Гарретом в последнее время все заканчивается ссорами, на работе все разговоры о работе. Даже мои друзья – это мои коллеги. А о том, чтобы встретиться где-нибудь в нерабочее время и речи быть не может. То у меня завал, то наши графики не совпадают. С мамой и сестрой поговорить по душам тоже не получается, от них я всегда слышу только упреки. Кто бы мог подумать, что обычное знакомство с новым соседом и разговор через балконные перила станут моей отдушиной в этой бесконечной рутине стресса.

...15 дней

Я просыпаюсь рано утром и потягиваюсь, но сразу ощущаю тяжесть в воздухе, как будто что-то не так. В голове всё ещё мелькают мысли о том, как раздражает меня всё в последнее время, и Гаррет в первую очередь. Не открывая глаз, я пытаюсь перевернуться на бок, надеясь немного уединиться в этом моменте тишины. Но в следующий момент его рука ложится мне на талию. Я вздрагиваю, и раздражение снова накрывает меня. В последнее время его внимание и его близость стали такими удушающими, такими навязчивыми. Я пытаюсь тихо отстраниться, не разбудив Гаррета, но его рука всё ещё лежит на мне, и я чувствую, как растёт злость.

– Проснулась?

Я поворачиваюсь к нему. Он лежит, с той самой ленивой, полусонной улыбкой, даже не подозревая, что внутри меня уже давно нет ощущения покоя рядом с ним. Его кожа – гладкая, с тёплым карамельным оттенком – выглядит безупречно на фоне смятых простыней. Светлые волосы чуть растрёпаны, будто нарочно, а небрежная улыбка подчёркивает ямочки на щеках – до отвращения милые. Всё в нём как будто нарисовано – красивый, безупречный, будто специально созданный для восхищения. И, возможно, именно это начинает бесить больше всего. Я смотрю на него молча. Слишком долго, слишком пристально. Внутри медленно нарастает странная смесь чувств. Восхищение? Да, наверное. Но и раздражение тоже. Всё это слишком – слишком красиво, слишком правильно, слишком близко. А я будто трещу по швам, и терпения становится всё меньше.

– Почему ты так на меня смотришь? – он тянется ко мне за поцелуем, но я отстраняюсь.

– Не хочешь извиниться за вчерашнее поведение?

– Блин, Элли, не начинай с утра пораньше.

– Я злюсь на тебя, если ты не заметил!

– Ну так давай мириться, – он быстро наваливается на меня сверху, что я даже не успеваю отреагировать.

Я хочу оттолкнуть его, но чувствую, как он прижимается ко мне своим возбужденным членом. Жар расплывается между ног, и я ненавижу себя за то, что не могу перед ним устоять. В итоге, наплевав на всю злость, я отдаюсь ему.

Приняв быстрый душ, я выхожу в гостиную, и меня сразу окутывает аромат завтрака. На кухне, в одних боксерах, стоит Гаррет. Его спина прямая, плечи широкие, мышцы чётко очерчены в мягком солнечном свете, пробивающемся сквозь окна. Он двигается уверенно, непринуждённо, и каждое его движение будто подчёркивает идеальную физическую форму. Он выглядит так, словно только что сошёл со страниц мужского глянца – и даже не прилагает к этому усилий. Всё в нём – от тела до лёгкой небрежности в волосах – вызывает ощущение законченной, продуманной картинки. И, несмотря на всё напряжение между нами, несмотря на раздражение, которое не утихает в последние дни, я не могу не отметить: это сексуальное зрелище по-прежнему цепляет.

– Какие планы на день? – спрашивает он, пока мы завтракаем.

– Хочу проваляться весь день на диване и хорошенько отдохнуть.

– Малыш, я ведь уже говорил, что тебе не обязательно так убиваться на работе. Моей зарплаты будет достаточно, чтобы обеспечить нас обоих.

– Не начинай, пожалуйста.

– Ладно. Молчу. Просто беспокоюсь о твоём состоянии.

Я не отвечаю. Не хочу. Потому что знаю, что если скажу хоть слово, мы опять поругаемся.

– У меня сегодня смена после обеда, а до этого я хотел заскочить в спортзал. Но, если хочешь, могу остаться дома до работы.

– Нет, в этом нет необходимости, – говорю, сама не понимая, я правда не против или просто пытаюсь выпроводить Гаррета, чтобы остаться в тишине.

– Хорошо. Тогда помою посуду и поеду.

– Не нужно, я сама всё уберу, – видимо я и правда уже не знаю как поскорее от него избавиться.

Гаррет встает из-за стола, подходит ближе и целует меня.

– Люблю тебя, Элли.

– И я тебя.

Домыв посуду, я провожаю Гаррета до двери и закрываю её за ним, ощущая, как в квартире становится комфортнее. Впереди целый день покоя, без лишних разговоров и суеты. Я медленно иду к шкафу рядом с телевизором, тянусь к своей стопке книг. Рука невольно тянется к медицинскому справочнику, но я быстро останавливаю себя. Нет, не сегодня. Хватит. Вместо этого я беру с полки короткий любовный роман, который купила ещё полгода назад, но так и не начала читать. Его обложка обещает лёгкий сюжет и немного романтики, что именно сейчас мне и нужно. Устраиваюсь на диване, ныряю в мягкие подушки и начинаю читать, позволяя себе погрузиться в выдуманный мир, который хоть на время помогает забыть обо всём.

– Нифига себе, как он в неё поместился? – не сдержавшись, говорю вслух. Да уж. Чего только не придумают в этих любовных романах...

Я откидываюсь на спинку дивана, погружаясь в историю, когда вдруг, в тишине комнаты, начинает звучать тихая мелодия. Звуки пианино, мягкие и плавные, словно волны, накатывающие на берег. Я замираю, прислушиваясь. Это так красиво... но откуда? Я живу здесь давно, и, насколько помню, в нашем доме никто не играл на пианино. Или играл? Может, я просто не замечала? Чувствую, как любопытство начинает брать верх, а спокойствие, которое я пыталась найти в книге, уходит на второй план. Отложив роман на столик, я встаю с дивана, неспешно направляясь к балкону. Возможно, звуки идут с соседнего дома или кто-то в нашем подъезде недавно приобрёл пианино. В любом случае, мне хочется понять, откуда идёт эта музыка. Открываю балконную дверь и выглядываю наружу, оглядывая окрестности. Вслушиваюсь... это из соседней квартиры.

– Кларк! – кричу я, слегка перегнувшись через балконные перилла. – Кларк!

Мелодия затихает. Через пару секунд я замечаю, как на соседний балкон выходит он. Мужчина, чью музыку я только что услышала. Мы оказываемся так близко, что я могу разглядеть каждую линию его лица. Он стоит буквально в метре от меня, в лёгкой футболке и джинсах, и, несмотря на это, в его образе есть что-то запоминающееся. Я смотрю на его лицо, и вдруг замечаю, что его глаза... они совершенно разные. Один – тёмно-карий, словно почва после дождя, а второй – ярко-зелёный, как листья весной. Они так сильно контрастируют, что невозможно отвести взгляд. В его глазах нет ничего, что могло бы отпугнуть. Наоборот. Только спокойствие. Я не могу удержаться от того, чтобы не начать изучать его лицо, пытаюсь понять, какой он.

– Ого, у тебя разные глаза! Теперь ещё более странно, что я тебя не запомнила и сразу не узнала.

– Доброе утро, Эллис, – улыбается он.

– Это ты играл? Очень красиво.

– Да, иногда балуюсь. Правда моей девушке не нравится, жалуется, что слишком громко.

– У тебя есть девушка? – я вдруг запинаюсь. – Ой, чего это я, конечно у тебя может быть девушка, я не имела в виду, что это странно. И... прошу, останови меня, пока я не наговорила ерунды.

Кларк начинает весело смеяться, и я уже не чувствую себя так неловко. Он достаёт из кармана пачку сигарет и протягивает мне.

– Я не курю.

– И правильно. Курение убивает, – говорит он с хитрой ухмылкой, прикуривая сигарету. – Кстати, мы с моей девушкой живём вместе. Решили съехаться и вот нашли эту квартиру. Сейчас она улетела к брату на свадьбу, поэтому пока я один, могу играть сколько хочу.

– Ты круто играешь.

– Спасибо.

Между нами повисает неловкая пауза. Я стою, не зная, что сказать. Но ловлю себя на мысли, что мне определённо хочется продолжить диалог.

– А ты почему не на работе? Выходной? – он первый прерывает молчание.

– Ага. Гаррет ушел в тренажёрку, потом на работу. А я решила весь день проваляться дома и почитать книгу.

– Что читаешь?

– Даже не спрашивай. Купила из-за названия – «Волшебная любовь». Думала, что это красивая сказка... А там такое, что мне стыдно об этом рассказывать.

– А мне теперь вдвойне интересно, что же там.

– Не будешь смеяться и осуждать за то, что я читаю такое?

– Нет, конечно, – весело говорит он.

– Ну, там есть героиня, она попадает в волшебный мир и встречает главного героя, в которого влюбляется. Этот герой – волшебное существо, он огромный, у него серебристая кожа, длинные белые волосы, а ещё у него есть крылья и хвост.

– И что же в этом такого постыдного?

– Стыд начинается тогда, когда дело доходит то их первого секса. Понимаешь, она девственница. А он, как я уже сказала, огромный... во всех местах.

– Ой, бедная героиня.

– Вот и я о том же! Я же, будучи медиком и разбираясь в анатомии, понимаю, насколько это физически больно! Но там..., – я чувствую, как моё лицо заливают краской, но на выдохе выдаю всё как есть. – В общем, он входит в неё полностью с одного толчка, а она кайфует от того, что её разрывает изнутри и кончает четыре раза подряд.

Я вижу, как Кларк застывает, не донеся сигарету до рта.

– Мда уж, – выдает он. – После такого у женщин завышенное ожидание, а у мужчин комплексы...

– Но самое стыдное всё же не это, —не понимаю почему мне так хочется всё рассказать. – Самое постыдное, что мне нравится такое читать.

Я опускаю взгляд, боясь показаться посмешищем.

– А я был девственником до двадцати восьми лет, – непринуждённо говорит он, и я смотрю на него с удивлением. —Джули, девушка с которой я сейчас живу, моя первая сексуальная партнёрша. Так что теперь и ты знаешь обо мне что-то, чего я стесняюсь.

– Тебе нечего стесняться, Кларк.

– Как и тебе, – улыбается он.

Мы стоим друг напротив друга ещё несколько секунд.

– Ладно, пойду дочитаю свою постыдную книжонку пока Гаррет не вернулся.

– Хорошего дня, Эллис.

– Можно просто Элли.

Кларк показывает мне большой палец в знак согласия и скрывается в своей квартире, пока я смотрю ему вслед. Захожу в гостиную, сажусь на диван и продолжаю читать. Хотя мне и стыдно признаваться, что я читаю такие книги, я всё же совру, если скажу, что эти постельные сцены не возбуждают.

В слегка игривом настроении мне приходит идея устроить Гаррету романтический ужин. В последнее время наши отношения сильно испортились, может стоит попробовать всё наладить.

Решаю приготовить на ужин его любимую пасту болоньезе. Я, конечно, тот ещё повар, в сравнении с Гарретом, но паста получается у меня хорошо. Достая из морозильной камеры фарш и проверяю все ли продукты для ужина есть в холодильнике. И тут на ум приходит еще одна идея – десерт! Но, так как с выпечкой я не дружу, решаю купить чего-нибудь сладкого у мистера Беннета. Смотрю на часы. 15:10. Отлично, ещё успею сходить в пекарню. Открываю шкаф, переодеваюсь в спортивный костюм, захлопываю дверцу и бросаю взгляд на часы снова.

15:50.

Что?

Я моргаю. Это невозможно. Я же только что смотрела. Я не могла просто стоять без дела почти час... Я провожу ладонями по лицу. Может, мне действительно стоит больше отдыхать? Мне точно нужно сходить к врачу, если что, завтра на работе поговорю об этом. Выхожу из дома и направляюсь в пекарню за углом.

– Добрый день, мистер Беннет! – радостно приветствую хозяина пекарни. Он – седовласый мужчина в возрасте, чья семья владеет этим заведением уже несколько поколений. Их семейные рецепты сладких пирогов просто невероятны.

– Элли! Как же давно тебя не видел! Проходи, у нас как раз смеется свежая выпечка. Как дела?

– Вся в работе. Вот даже к вам забежать не успеваю. Ой! Это что, лимонный пирог?

– Да, как всегда по традиции, каждую субботу наш фирменный лимонный пирог.

– Мне два! И плевать на фигуру, за ваши пироги я душу продам! А ещё мне маковый рулет пожалуйста.

Мистер Беннет весело смеётся и упаковывает мой заказ.

– Вот блин, – говорю я, шаря по карманам и понимая, что оставила кошелек и телефон дома. Эти сцены секса из книги и мои фантазии совсем затуманили мне мозг. – Простите мистер Беннет, я забыла деньги дома. Давайте я сейчас сбегая за ними и вернусь.

– Не нужно, Элли. Бери.

– Что вы? Я не могу...

– Элли, если ты не забыла, в прошлом году ты спасла мою внучку, когда она подавилась. Если ты попросишь печь тебе лимонные пироги бесплатно каждый день, я буду их тебе делать, – так по-отцовски с добротой улыбается мистер Беннет и протягивает мне коробки с пирогами.

– Спасибо вам. Я расскажу всем про ваши пироги, а про ваших конкурентов распушу ужасные слухи! – смеюсь я и машу на прощание.

Вернувшись в квартиру, я кладу коробки с выпечкой на обеденный стол и оглядываюсь в поисках телефона. Ищу на кухне, потом подхожу к дивану и отодвигаю плед. Странно. Телефона нет, но под пледом лежит книга, которую я читала. Но я же точно помню, что положила ее на место, когда дочитала. Учитывая мою любовь к порядку, я бы никогда не бросила её тут. Или нет? Ладно, видимо действительно эти эротические романы плохо на меня влияют. Кладу книгу на место в шкаф и продолжаю поиски телефона. Осматриваю гостиную, прихожую, ванную, спальню. Проверяю даже в шкафу для одежды. Но телефона нигде нет. Я же не могла его выронить на улице, я бы наверняка услышала звук, как он упал. Да уж, какой-то странный денёк. Решаю дождаться Гаррета, чтобы он позвонил со своего телефона на мой, а пока приступаю к приготовлению ужина.

Я заканчиваю готовить чуть раньше, чем планировала, поэтому иду в душ и после надеваю легкое шелковое платье голубого цвета на тонких бретельках. Хочется вина, но завтра рано вставать на работу.

На часах уже почти полночь, а Гаррета всё нет, хотя он должен был вернуться ещё час назад. И телефон, как назло, потерялся, даже не могу ему позвонить. Решаю выйти на балкон, и подойдя к двери замечаю через стекло Кларка, который стоит ко мне спиной и курит. Я

разворачиваюсь и возвращаюсь к кухне. Отрезаю два кусочка лимонного пирога, кладу их на тарелки и выхожу на балкон.

– Привет, Кларк! – говорю так громко насколько могу.

– Привет, Элли.

– Что, даже не испугался от неожиданности?

Он улыбается и на душе становится тепло.

– Вот, угощайся, – я протягиваю ему одну тарелку с пирогом.

– Выглядит аппетитно. Что это?

– Офигеть какой вкусный лимонный пирог!

– Сама испекла?

– Ой, нет. Если бы испекла сама, ни за что никого не угощала бы.

– Спасибо, Элли. Но у меня аллергия на цитрусовые.

– Блин, жаль, – говорю, откусывая свой кусок пирога.

– Красивое платье, куда-то собралась?

– Ждала парня на ужин. Но он задерживается.

– Сожалею, что твои планы сорвались. Ладно, пойду, ещё поработать надо.

– Конечно, спокойной ночи, Кларк.

– Спокойной ночи, Элли.

Я доедаю свой кусок пирога, а потом, без зазрения совести, тут же съедаю второй. Остаюсь на балконе ещё какое-то время, вдыхая свежий ночной воздух. Иду на кухню, смотрю на часы. Час ночи. Нет смысла ждать Гаррета. Складываю всю еду в холодильник, мою посуду и иду спать.

...14 дней

Я просыпаюсь от назойливого звука будильника. Резко поворачиваюсь на бок и с удивлением понимаю, что кровать пуста. Гаррета нет. Простыня рядом даже не примята, как будто он так и не ложился. В груди начинает нарастать тревога. Сбрасываю одеяло, вскакиваю с кровати и быстро выхожу из спальни. Вижу – он спит на диване. Растянулся неуклюже, одна нога свисает на пол, рука закинута за голову. Честно говоря, я удивлена, как он вообще уместился – диван явно не рассчитан на его рост и габариты. Я подхожу ближе и сразу чувствую запах. Резкий, стойкий запах алкоголя. Всё становится на свои места: вот почему он не пришёл спать в кровать. И вот почему я так и не дождалась его ночью.

Стараясь не шуметь, я начинаю собираться на работу. В ванной быстро умываюсь, потом завязываю волосы в небрежный пучок, хватаю одежду и на носочках прохожу на кухню. Открываю холодильник, чтобы достать сок – и вдруг замираю. На верхней полке, между бутылкой молока и контейнера с овощами, лежит мой телефон. Я моргаю. Один раз. Второй. Секунду просто смотрю на него, не в силах поверить. Нет, я точно не могла его туда положить... Или могла? В голове – туман, как будто я всё ещё не до конца проснулась. Стою, вцепившись в дверцу холодильника, и чувствую, как по спине медленно ползёт холод. Может, это просто рассеянность? Но телефон в холодильнике – это уже перебор даже по моим меркам.

Вынув гаджет, убеждаюсь, что он полностью разряжен. Раздражённо бросаю его в сумку, напоминая себе, что обязательно нужно будет разобраться со всем этим. Но позже. Сейчас – работа. Я выхожу из квартиры, тихо закрываю за собой дверь и, спускаясь на первый этаж, замечаю знакомую фигуру. Кларк. Он стоит у почтовых ящиков, перебирает письма.

– Доброе утро, – приветливо машу ему рукой.

– Привет, Элли. Как там твой парень? С ним всё в порядке?

– Что? Почему ты спрашиваешь? – не понимаю я его вопрос.

– Ну его же вчера полиция привезла домой, поэтому поинтересовался, все ли в порядке.

– А-а-а... да, в порядке... спасибо что спросил, – я решаю не рассказывать, что вообще не в курсе того, что случилось. – Хорошего дня!

Он что-то отвечает, но я уже не слышу его. Мои мысли забиты вопросом, что же вчера случилось.

Быстро добираюсь до работы, переодеваюсь и иду к стойке регистрации.

– Доброе утро, Аманда. Поставь пожалуйста мой телефон на зарядку. Представляешь, вчера потеряла его, а сегодня нашла в холодильнике!

– Ого. Кому-то срочно нужен отдых. У тебя всё нормально?

– Да, всё хорошо. А ты почему такая напряжённая?

– Элли... тот пациент, Мистер Уиллис, который поступил с ожогом, умер сегодня ночью.

– Что?! Как? От чего, что произошло?

– Заражение крови.

– Он же пил антибиотики! Я лично заходила к нему и давала их! Он же выпивал их при мне...

– Странно, анализы показали, что в его крови не было следов антибиотиков.

– Это невозможно, – мой голос звучит глухо. – Я же сама видела, как он их принимал...

Но в этот момент меня пронзает неприятная, тошнотворная, почти устрашающая мысль. Она проходит через меня, как ледяной ураган – быстрый и болезненный. Я в оцепенении хватаюсь за стойку регистрации, и в голове всплывает картина: я говорю мистеру Уиллису о таблетках, чётко, с расстановкой, даже записываю в его карту, делаю пометку, чтобы не забыть, достаю таблетки из баночки и протягиваю ему со стаканом воды. Всё – точно помню. Но вижу

ли я перед глазами, как он глотает таблетки? Как запивает их водой? Как я слежу за этим, как делаю пометку в голове – выпил, всё хорошо? Нет. Ничего. Пустота. Сердце начинает колотиться чаще. Горло сжимается, как будто внутри застрял ком. Я что, забыла дать ему лекарства? Я действительно могла забыть? На автомате сделать перевязку, поговорить, записать – но не дать то, что должно было быть жизненно важно? Паника медленно расползается по телу. Я чувствую, как к щекам приливает жар, ладони становятся влажными, а разум – будто в тумане. Господи... если я и правда не дала ему таблетки... Мир на секунду теряет фокус, и я хватаюсь за стойку крепче. Вдох. Выдох. Ещё один.

– Мне жаль, Элли, знаю, как тяжело ты переносишь такие ситуации.

Она права. Смерть любого пациента даётся мне тяжело – слишком тяжело. Это оседает где-то внутри, в грудной клетке, и не отпускает ещё долго. Каждый раз, даже если я стараюсь держаться, быть спокойной, профессиональной – это проникает в самое сердце. Это одна из тех причин, почему я не хочу оставаться здесь. Не хочу снова и снова переживать это чувство – будто часть тебя уходит вместе с тем, кого не удалось спасти. А теперь ещё и эти провалы в памяти и чувство, что вдруг это моя вина...

Молча отхожу от стойки регистрации, не вступая в разговор. Слова сейчас – лишние. Мне нужно прийти в себя, восстановить контроль, собрать мысли, которые разбежались в разные стороны. Я делаю глубокий вдох, стараясь удержать равновесие, будто внутри меня шатает сильный ветер, готовый всё снести. Но я не могу позволить себе сломаться. Я беру себя в руки. Один шаг. Потом второй. И снова – с головой в работу. В привычную, выверенную рутину, где у меня есть задачи, цифры, пациенты. Где всё по полочкам. Где я могу быть хоть немного в безопасности от своих собственных эмоций.

Вечером, возвращаясь домой, я всё ещё не могу выкинуть из головы мистера Уиллиса. Его лицо – бледное, но спокойное – всё ещё стоит перед глазами. Я прокручиваю события того дня снова и снова, как заезженную пластинку. Что я упустила? Всё ли сделала правильно? Почему именно он? Эти вопросы будто впились в голову и не дают покоя. Поднимаюсь по лестнице медленно, будто каждая ступенька даётся с трудом. Открываю дверь, вхожу в квартиру. Разуваюсь в прихожей, машинально выравнивая обувь у стены. Чувствую жуткую усталость. Прохожу в гостиную – вокруг знакомое пространство, почти уютное, но сегодня оно не даёт облегчения. Сегодня всё кажется чужим и глухим.

– Привет, малыш, – Гаррет протягивает мне огромный букет цветов. – Знаю, что ты злишься, прости. Не рассчитал и перебрал с алкоголем.

– А в полиции как оказался? – я даже не принимаю от него букет.

– А ты не читала мое сообщение?

– Я вчера потеряла телефон, а нашла его только утром разряженным. Потом на работе был завал, и я до сих пор его не включила.

– Понятно, – Гаррет перестает протягивать мне букет и идет на кухню за вазой. – Слегка подрался с каким-то алкашом и нас забрали в участок. Но всё в порядке, не о чем переживать. Я хотел приготовить ужин, но нашел в холодильнике огромную порцию пасты. Разогреть?

– Я не голодна. Очень устала и хочу лечь спать. Кстати, ты завтра всё-таки улетаешь к родителям?

Гаррет смотрит на меня с недоумением.

– Да... Элли, ты же только что уже об этом спросила.

Я моргаю. Только что? Я не помню. Почему я этого не помню?

– Да, точно. Просто устала. Ладно, я спать.

– Люблю тебя.

– Ага.

Я захожу в комнату, машинально закрываю за собой дверь и окидываю взглядом пространство. Всё на своих местах, кроме этой проклятой кучи одежды Гаррета, валяющейся у

самого изножья кровати. Спортивная кофта, штаны, носки – хаотичный ворох, который раздражает взгляд. Быстро переодеваюсь в мягкую домашнюю футболку, почти не ощущая прикосновения ткани к коже. Усталость растекается с головы до пят, она как туман, окутывает каждую мою клеточку. Я бросаю свою одежду в ту же кучу и падаю на кровать.

Лежу на спине, смотря в потолок. Но из головы не выходит эта небрежная груда одежды, валяющаяся на полу. Хочется встать, взять всё это и закинуть в корзину, раз и навсегда избавиться от раздражающей детали. Но внутри – пусто. Ни моральных, ни физических сил. Даже пальцем пошевелить трудно. Всё, на что меня хватает – это отвернуться к стене и свернуться под одеялом, будто оно сможет защитить от реальности.

– Гаррет! – зову его, и он тут же появляется в дверях спальни. – Отнеси грязные вещи в корзину, а то мне лень вставать.

Смотрю, как Гаррет молча поднимает с пола кучу одежды. Его движения резкие, он явно не понимает, почему я требую от него сделать это прямо сейчас, но ничего не говорит. Просто выходит из комнаты, оставляя за собой запах своего одеколона и еле уловимую напряжённость в воздухе. Я не задерживаю взгляд, не зову его и не пытаюсь остановить. Внутри – только усталость.

С завтрашнего дня у меня начинается долгожданный двухнедельный отпуск. Но я не хочу рассказывать об этом Гаррету. Он предложит поехать к его родителям вместе, начнёт строить планы, предлагать потащить меня в какие-то шумные места. А я хочу совсем другого. Мне нужен покой. Покой и тишина. Только они.

Я накрываюсь одеялом с головой, словно это кокон, в котором я могу побыть одна, без внешних раздражителей. Просто лежу, не двигаясь. Сна всё ещё нет – в голове крутится слишком многое. И тут, словно кто-то услышал мою внутреннюю просьбу о мгновении умиротворения. За стеной раздаётся знакомая мелодия. Кларк снова играет. Пианино звучит глухо, но отчётливо, как будто пробивается сквозь бетон, разделяющих нас стен. Его музыка – как дыхание другого мира: она одновременно спокойная и глубокая, как будто кто-то медленно распутывает мои мысли. Я замираю, прислушиваясь к каждому звуку. Медленные аккорды, затихающие переливы. Я не замечаю, как начинает отпускать. В груди становится легче. Глаза тяжелеют. Я проваливаюсь в сон под звуки пианино, впервые за долгое время чувствуя не тревогу, а спокойствие. А потом – темнота.

Я открываю глаза. Всё вокруг погружено в ночь. Не понимаю, сколько прошло времени. Пять минут? Час? Или больше? Такое чувство, будто я просто моргнула. В комнате тихо. Я поворачиваюсь к окну, всматриваясь в чёрную гладь неба. Пианино больше не играет.

...13 дней

Рано утром, ещё до наступления рассвета, Гаррет будит меня чтобы поцеловать на прощание.

– Буду скучать, малыш, – он нежно целует меня, и я улыбаюсь ему в ответ, хотя делаю это через силу.

– Я тоже, повеселись там. И передай привет родителям.

Когда он уходит, я остаюсь лежать в кровати. Одеяло всё ещё натянуто до самого подбородка, как защита, как тонкий барьер между мной и миром. Я остаюсь одна – впервые за долгое время, и не просто на вечер, а на целый период. Никаких голосов, упрёков, звона посуды на кухне. Только я и странно уютная тишина. Такая непривычная... но такая долгожданная. Я закрываю глаза, позволяя себе почувствовать этот покой. Но не проходит и пары минут, как эту тишину прерывает какой-то звук. Сначала еле уловимый, будто кто-то прошёлся по коридору мягкими, скользящими шагами. Я замираю, затаив дыхание. Прислушиваюсь. Тишина. Ничего.

– Просто дом, – тихо шепчу себе. – Старая проводка. Сквозняки. Шум с улицы.

Я стараюсь убедить себя, что это нормально, что такое бывает. Но как только мышцы чуть расслабляются, и я почти проваливаюсь обратно в сон, снова слышу это. Шорох. Очень тихий. Будто кто-то медленно провёл пальцами по стене. Прямо за пределами спальни. Прямо там, где начинается коридор. Меня мгновенно бросает в холодный пот. Грудь сдавливает от чувства страха. Я рывком подсакиваю и сажусь на кровати, сердце колотится, как бешеное. Смотрю в сторону коридора через слегка приоткрытую дверь. Там темно. Я вглядываюсь, пытаюсь различить хоть что-то, хоть какое-то движение... но ничего. Пусто.

– Чёрт, – шепчу я, прижав ладони к лицу. – Я правда схожу с ума.

Но сердце продолжает быстро стучать. Я не спешу лечь обратно. Одиночество в тишине вдруг не кажется таким желанным. Я встаю, стряхивая остатки сна, медленно выхожу из комнаты, оглядываясь по сторонам, и направляюсь в ванную. Всё ещё в полусонном состоянии, машинально откручиваю кран, набираю в ладони прохладную воду и умываюсь. Поднимаю глаза и замечаю тюбик зубной пасты. Он снова открыт. Крышка валяется сбоку на раковине, как будто кто-то специально оставил её там, чтобы напомнить – порядок в этом доме держится на волоске. Внутри всё сжимается. Это снова Гаррет. Сколько раз я просила его закрывать эту чёртову пасту после использования? Казалось бы, мелочь, но от этих мелочей и просыпается всё моё раздражение, вся накопившаяся усталость. Даже его отсутствие дома сейчас не мешает мне злиться. Как будто он всё равно рядом, как будто его небрежность и наплевательское отношение к моим просьбам продолжают жить в пространстве, где я хочу порядка. Закрываю пасту, ставлю её на место. Делаю глубокий вдох, надеясь таким образом вернуть себе хоть каплю спокойствия.

Хочу окончательно проснуться – и забираюсь в душ. Поворачиваю кран, и тёплая вода начинает струиться по коже, смывая с тела остатки сна и напряжения. На несколько секунд всё замирает. Только вода. Только тепло. Только я. Протягиваю руку к полке за своим любимым мылом. И вдруг тело замирает. Его нет. Полка пуста. Там, где должно быть то самое мыло – ни следа. Начинаю перебирать всё подряд: шампуни, гели, бутылочки с разными средствами. Поднимаю, переставляю, заглядываю за уголки – но мыла нет. Оно исчезло. Я стою под водой, не ощущая её. Раздражение сменяется тревогой. Это мыло всегда было там. Я точно помню, как недавно пользовалась им. И точно помню, что не выбрасывала. У Гаррета ведь своё, другое, и оно лежит на месте. Он не мог взять моё. Да и зачем?

Становится по-настоящему не по себе. Внутри холодеет. Опять что-то не так. Как с телефоном. Всё снова повторяется. Странности нарастают. Либо я теряю память, либо начинаю сходить с ума. Мысли путаются, тяжелеют. Нужно что-то делать. Пора признать, что усталость больше не просто усталость. Что это – тревожный сигнал. И отмахиваться от него больше нельзя.

Позавтракав, я неторопливо убираю со стола, складывая тарелки в раковину. Руки двигаются автоматически. Вода льётся чуть тёплым потоком, а губка скользит по поверхности посуды, оставляя за собой чистые круги. Всё это происходит будто не со мной – тело занято делом, а разум уходит куда-то глубоко внутрь. И вдруг осознаю, что в этой тишине нет нужды спешить, собираться, подстраиваться под кого-то. Вроде бы свобода, но почему-то она кажется пугающей. Обычные бытовые дела заканчиваются, а новых не появляется. Ничто не может отвлечь от навязчивых мыслей. И эта пустота начинает медленно разрастаться внутри, словно затягивая в себя всё. Квартира кажется слишком тихой. Даже шум воды в раковине не спасает – он растворяется в глухом молчании стен, и они будто начинают подступать ближе, сужая пространство. Давят.

Домыв посуду, я подхожу к окну, словно ищу доказательство того, что за его пределами всё ещё существует другой мир. За стеклом серо и тускло. Небо затянуто облаками, и в воздухе повисло ощущение скорого дождя. Всё застыло в ожидании – и улица, и я вместе с ней. На секунду появляется странное чувство – как будто я выпала из жизни. Всё вокруг движется, живёт, дышит – а я просто застряла. Без цели, без желания что-то делать, без энергии даже для простых бытовых мелочей. И среди всего этого оцепенения накатывает одиночество. Тихое, тяжёлое, противное. Такое, от которого не сбежать никуда. Я выхожу на балкон, прижимаюсь к перилам и, не раздумывая, зову:

– Кларк!

Ответа нет. Я перегибаюсь через перила, пытаюсь заглянуть в его квартиру через стеклянную дверь. Взгляд скользит по пустому пространству. Дверь закрыта, на столике не видно сигарет. Пусто. Странно. Почему-то это ощущение тянет за собой, как какой-то тяжёлый груз. Где он? Почему его нет? Я отступаю назад, продолжая поглядывать на соседний балкон.

Мысленно прокручиваю наш последний разговор. Он был таким простым, таким естественным. С ним не было этого напряжения, которое я часто чувствую, когда общаюсь с другими. Не нужно искать правильные слова, не приходится бояться, что меня не так поймут или осудят. Он просто слушал и поддерживал ненавязчивый разговор. Но сейчас его нет. И становится как-то невыносимо грустно. Я тихо вздыхаю, разворачиваюсь и возвращаюсь в квартиру.

В груди всё сжимается, как будто меня лишили чего-то важного и нужного. Не могу понять, почему. Это же просто отсутствие малознакомого мне человека, но оно кажется таким значимым, таким весомым. Я пытаюсь быть объективной, не думать о нём, но вот оно, это странное чувство – тяжёлое и неопределённое.

Остаток дня проходит в ленивом бездействии. Я снова включаю старый сериал, который знаю наизусть, но не могу сосредоточиться. Сюжет повторяется, персонажи ведут свои привычные диалоги, а я совершенно не погружаюсь в это. Листаю телефон, но ничего нового там нет – только неинтересные уведомления и старые сообщения, на которые я уже успела ответить. Открываю книгу, надеясь хоть немного отвлечься, но через пару страниц понимаю, что не запоминаю ни слова. Кажется, буквы плывут перед глазами, а мысли блуждают где-то далеко. Мне скучно. Даже скука кажется слишком угнетающей и давящей.

Я ловлю себя на том, что в очередной раз поглядываю на балкон, как будто ожидаю, что что-то изменится, что он появится. Глупо. Кларка нет, и вообще, какая разница? Но внутри что-то так и тянет выйти, посмотреть, проверить, позвать снова. Может, он уже вернулся. Но я знаю, что этого не произойдёт – в его квартире темно. Он, наверное, не дома.

Вместо этого, я решаю лечь спать пораньше. Завтра наступит новый день. Может, это всего лишь усталость, переутомление. Я тянусь к одеялу, и за несколько минут погружаюсь в сон.

Однако среди ночи меня резко вырывает из сна непривычный звук. Тихий, но отчётливо слышимый – какой-то непонятный шорох. Мелькнувшее чувство тревоги находит меня ещё в полусне. Неужели опять мерещится, что кто-то ходит по моей квартире? Прислушиваюсь. Приглушённые стоны, пронзающие тишину ночи, заставляют меня задержать дыхание. Я лежу, неподвижно, несколько секунд, пытаюсь понять, что это, и только потом доходит – это женский голос. Почему-то сердце начинает биться быстрее. Я переворачиваюсь на спину и уставляюсь в потолок, пытаюсь собраться с мыслями. Может, это телевизор? Но нет, звук слишком реалистичный. Теперь нет никаких сомнений – кто-то за стеной занимается сексом. И в этот момент меня охватывает странное чувство. Кларк. Я сразу вспоминаю его слова – у него есть девушка. Значит, она вернулась.

Я пытаюсь игнорировать шум, но это не удаётся. Он слишком настойчивый. Стон сначала становится тише, а потом снова нарастает, а звуки глухих ударов кровати о стену пробирают меня до костей. В груди неприятно сжимается. Чёрт, что я вообще делаю? Я что, подслушиваю? Скользнув взглядом по комнате, я резко скидываю одеяло, прохожу в другую часть квартиры и выхожу на балкон, надеясь, что мне просто показалось. Но нет. Теперь сомнений нет – звук точно из его квартиры. Меня охватывает жар. Что со мной не так? Почему я об этом вообще задумываюсь? Зачем мне это? Я почти ловлю себя на какой-то мысли, но тут же отмахиваюсь от неё, решая, что не стоит вникать. Я захлопываю балконную дверь, возвращаюсь в кровать, стараясь не думать об этом. Пусть делает, что хочет. Это не моё дело. Но почему так трудно заснуть? Тревога продолжает терзать, не давая покоя.

...12 дней

Я сижу в длинном коридоре медицинского центра, сжимая в руке документ – анкета пациента. Часы на стене показывают 13:07. Приём был назначен на час дня, но он кажется, задерживается. Я всё-таки решилась и записалась к врачу, потому что события последних недель стали меня пугать.

Я перевожу взгляд на дверь, за которой находится его кабинет, но она остаётся закрытой. В голове шумно от мыслей. Я не люблю больницы. Этот запах антисептика, приглушённые голоса за стенами, мерный звук шагов в коридоре – всё это давит, усиливая тревогу. Я чувствую, как пальцы сильнее сжимают ткань спортивной кофты, ногти больно впиваются в кожу. Может, я зря пришла? Вдруг это просто стресс, переутомление, последствия недосыпа? Но нет, всё точно не так просто. Последние недели я чувствую, как реальность будто бы ускользает от меня. Ощущение, что я становлюсь зрителем собственной жизни, как будто всё происходит не со мной.

Сглатываю, стараясь не заикливаться на этих пугающих мыслях, но внутри нарастает беспокойство. Я нервничаю. Глупо, но мне кажется, что все вокруг смотрят на меня. Будто по глазам читают, что я не просто простуду лечить пришла. Что со мной что-то не так. Я сжимаю ладони, пытаюсь взять себя в руки. В конце концов, я сама записалась. Значит, раз решила прийти, надо быть честной с собой. В этот момент дверь кабинета наконец открывается, и я рефлексивно замираю, готовясь услышать свою фамилию.

– Эллис Митчел? – раздаётся мужской голос.

Я вздрагиваю и поднимаю голову. На пороге кабинета стоит врач – мужчина лет сорока, подтянутый, с доброжелательной улыбкой.

– Да, это я.

– Проходите.

Я встаю и следую за ним, чувствуя, как с каждым шагом напряжение внутри становится сильнее. Внутри всё стерильно и безлико – типичный врачебный кабинет. Светлые стены, тихий гул кондиционера. Стол с идеально расставленными папками и ноутбуком, рядом высокий стеллаж, заполненный медицинскими справочниками в однотонных переплётах. У окна стоит кушетка, застеленная одноразовой простынёй. Я машинально оглядываюсь, пытаюсь найти хоть что-то, за что можно зацепиться взглядом, но здесь всё кажется холодным и отстранённым. Эта обстановка давит, вызывая неприятное ощущение, будто я не пациент, а объект для изучения.

Доктор жестом указывает мне на стул напротив своего стола. Я сажусь, чувствуя, как пластиковое сиденье неприятно холодит сквозь ткань брюк. Спина напряжена, пальцы нервно сжимают край рукава. Я не знаю, что скажу, с чего начну, и этот момент тишины перед началом разговора кажется особенно гнетущим.

– Итак, мисс Митчел, – врач садится напротив, складывая ладони перед собой, – чем могу помочь?

Я открываю рот, но на секунду зависаю. Что именно сказать?

«Доктор, я не помню, как мой телефон оказался в холодильнике.»

«Доктор, мне кажется, что вещи в квартире двигаются сами по себе.»

«Доктор, я подслушивала, как мой сосед занимается сексом со своей девушкой, и сама не знаю, зачем.»

Я сглатываю.

– В последнее время я... странно себя чувствую, – единственное, что могу сказать.

– Можете описать подробнее?

– Усталость. Постоянная. Я даже после выходного чувствую себя выжатой. И ещё... у меня проблемы с памятью.

Врач внимательно смотрит на меня.

– Какие именно?

Я нервно сцепляю пальцы, чувствуя, как ладони покрываются липким потом. В голове хаос, мысли путаются, сталкиваются друг с другом, но главная из них звенит, словно сигнал тревоги: *не говори. Если скажешь вслух, это станет реальным.*

Я понимаю, что он врач, что его работа – слушать и разбираться в таких вещах. Но страх сковывает меня. Грудь сжимает тягучее, неприятное ощущение, как будто я стою на краю чего-то пугающего, и один шаг вперёд обрушит всю привычную картину мира. Признаться – значит признать перед самой собой, что со мной происходит что-то ненормальное. Что это не усталость, не стресс, не просто плохие дни, которые пройдут сами собой. Это нечто большее. Что-то, с чем я уже не справляюсь. Я кусаю губу и опускаю взгляд на свои руки. Они дрожат. Может, он тоже это заметил?

– Я... забываю, куда кладу вещи. Плохо сплю, просыпаюсь часто, потому что кажется, что я слышу какие-то звуки в квартире. Иногда мне кажется, что я сделала что-то, а потом оказывается, что нет. Или наоборот – я не помню, как что-то сделала, но это уже сделано.

Он кивает, записывая что-то в ноутбук.

– Как давно это началось?

– Пару недель назад.

– Стрессы были?

Я коротко смеюсь.

– Я работаю в реанимации. У нас стресс – это базовый фон.

– Понимаю, – он откидывается в кресле. – Мисс Митчел, скажите, бывают ли у вас провалы во времени? То есть вы замечаете, что прошло, например, несколько часов, но не помните, чем занимались?

Я напрягаюсь.

– Да... Бывает. Но не часы, а минуты пролетают так, что я даже этого не замечаю.

– А тревожность? Панические атаки?

Я качаю головой.

– Нет. Просто... чувство, будто я схожу с ума.

– Какой у вас график работы? – врач смотрит на меня поверх очков, продолжая что-то записывать.

– Загруженный, – я устало вздыхаю. – Постоянные смены, ночные дежурства, переработки. Иногда я даже не понимаю, какой сегодня день.

Он снова кивает, будто уже ожидая такого ответа.

– То есть полноценного отдыха у вас практически нет?

– Можно и так сказать, – яжимаю плечами. – Я буквально живу на работе. Иногда прихожу домой только для того, чтобы поспать пару часов, и снова вернуться туда.

– А выходные?

Я усмехаюсь.

– Какие выходные? Врачи не отдыхают.

– Вы не замечали, что стали более раздражительной? Может быть, начали чаще срываться на людей?

Я хмурюсь, поджимая губы.

– Да, наверное... – признаю я, отводя взгляд. – Мы с моим парнем почти каждый день ругаемся. Меня всё в нём раздражает. Бесит, как он ставит кружку не на подставку, а прямо на стол. Как забывает закрывать холодильник. Как спрашивает, всё ли со мной в порядке, когда я просто хочу побыть в тишине.

– А раньше так не было?

– Было, конечно, – я вздыхаю, потирая виски. – Мы всегда могли поспорить о чём-то, но это было... нормально. А сейчас мне хочется закричать на него за каждую мелочь. За то, что он слишком громко дышит или не так посмотрел на меня. И я знаю, что он ни в чём не виноват, но ничего не могу с этим сделать.

Эти слова повисают в воздухе, и мне становится не по себе. Теперь, когда я произнесла их вслух, это кажется ещё более реальным.

– Мисс Митчел, – врач говорит мягко, но уверенно. – Вам нужно немного сбавить темп. Судя по всему, у вас сильное эмоциональное истощение. Перегрузка мозга. Вы много работаете, у вас нарушен режим сна, вы не даёте себе расслабляться.

– Но я не чувствую себя физически уставшей, – говорю я автоматически.

– Это не ощущается, пока тело не начинает подавать сигналы. Проблемы с памятью, ощущение нереальности происходящего – это всё следствие.

Я сжимаю губы.

– Мне нужно лечение?

Он кивает.

– Я порекомендую вам мягкие успокоительные. Но главное – отдых. Полноценный. Постарайтесь больше спать, гулять на свежем воздухе, проводить время с близкими. Ваш мозг перегружен, мисс, но вы не сходите с ума. Вам просто нужно перезагрузиться. И ещё важный момент – пока что пропишу вам курс приёма успокоительных на месяц, в этот период исключите употребление алкоголя. А через месяц жду вас на повторную консультацию.

Я киваю, но внутри всё ещё скребёт сомнение. А если это не просто усталость? А если со мной правда что-то не так? Я же чувствую, что со мной происходит что-то более серьёзное. Но он врач, наверное, ему виднее...

Выхожу из кабинета, но не ощущаю облегчения. Наоборот, как будто мне стало ещё хуже. Аптека находится недалеко от клиники, но пока я иду, мне кажется, что ноги стали свинцовые.

«Вы не сходите с ума. Вам просто нужно перезагрузиться.»

Слова врача всё ещё звучат в голове, но не приносят ответов на мои вопросы.

Я покупаю упаковку успокоительного, даже не всматриваясь в состав. Всё равно выпишывают что-то стандартное. Главное – чтобы помогло.

Когда возвращаюсь домой, на улице уже начинает темнеть. Я поднимаюсь по лестнице, вытаскиваю из кармана ключи, но, прежде чем вставить их в замочную скважину, краем глаза замечаю движение сбоку. Поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с Кларком. Но он не один. Рядом с ним стоит девушка. Высокая. Очень высокая. Выше его минимум на голову. Длинные стройные ноги, узкие бёдра, тонкая талия. Белокурые волосы идеально гладкие, как в рекламе шампуня. Глаза голубые, кожа без единого изъяна. Она идеальна. Модель. Или актриса. Или просто человек, который выглядит так, будто его создали по эталону красоты.

А я?..

Я почти машинально смотрю на своё отражение в тёмном стекле двери. Уставшее лицо, волосы, небрежно собранные в пучок, немного мятый спортивный костюм, тёмные круги под глазами. Контраст разительный.

– Эллис! – Кларк улыбается, будто рад меня видеть. – Как прошёл день?

Я сжимаю пакет с лекарствами, ощущая неприятную тяжесть внутри. Затем поспешно прячу его в карман кофты, надеясь, что никто не успел разглядеть мою покупку.

– Нормально, – отвечаю я и киваю в сторону девушки. – Это твоя...

– Джули, – он представляет её. – Моя девушка.

– Приятно познакомиться, – отвечает она, и её голос звучит так же идеально, как и она сама.

Я криво улыбаюсь, чувствуя внутри какое-то неприятное чувство. Зачем мне эта информация? Почему мне вообще не всё равно?

Я быстро бормочу под нос «спокойной ночи», отворачиваюсь и захожу в квартиру, захлопывая за собой дверь. Оперевшись спиной о холодный металл, выдыхаю. Да что со мной не так?

Остаток дня проходит в какой-то тупой отстранённости. Я переодеваюсь в домашнюю одежду, машинально убираю вещи в шкаф, расставляю туфли ровно, поправляю подушки на диване, хотя даже не сидела на нём. Мне нужно что-то делать, иначе снова начну думать.

О себе. О Кларке. О его девушке.

Я резко трясую головой, словно пытаюсь вытряхнуть ненужные мысли, и направляюсь в ванную. Запираю дверь на замок, хотя дома я сейчас одна. Открываю кран, и горячая струя с шумом устремляется в ванну, поднимая пар. Тусклый свет лампы, приглушённое журчание воды – всё это должно бы успокаивать, но внутри я продолжаю ощущать неприятный холод. Добавляю ароматную пену, надеясь, что любимый запах апельсина расслабит, но он едва ощущается в воздухе. Даже самые простые вещи теряют свою значимость. Всё, что мне нужно сейчас, – это отключиться, забыться хотя бы ненадолго.

Я осторожно погружаюсь в воду, позволяя ей укутать тело приятным теплом. Закрываю глаза, но вместо темноты передо мной снова всплывает её образ. Длинные, стройные ноги, светлые волосы, тонкие запястья. Она выглядела так естественно красивой, такой правильной, что рядом с ней я чувствовала себя... ничтожной. Я ненавижу себя за эти мысли. Я никогда не сравнивала себя с другими. Никогда не думала, достаточно ли я хороша. Просто всегда смотрела на себя трезво – да, не красотка модельной внешности, просто такая, какая есть. Почему же теперь это так ранит? Почему внутри всё сжимается от ощущения своей непривлекательности?

Я глубоко вдыхаю, задерживаю воздух в лёгких и ныряю под воду. Мир вокруг мгновенно исчезает. Только глухая тишина, тяжёлое давление на уши и покалывающее тепло, окутывающее тело. Вода словно стирает реальность, скрывает меня от самой себя, от мыслей, которые не дают покоя. Я хотела бы остаться в этом моменте дольше. Здесь нет тревоги, нет раздражения, нет мучительного ощущения своей никчёмности. Только пустота и лёгкое головокружение от нехватки кислорода.

Но воздух заканчивается. Грудь сжимается, лёгкие жжёт, и инстинкт выталкивает меня наверх. Я резко вынырываю, с шумом втягивая в себя воздух. Вода тяжёлыми каплями стекает с волос и ресниц, пена медленно оседает, оставляя на коже дорожки из пузырьков. Я прислоняюсь к бортику ванны, закрываю глаза, но отголоски удушающей тишины всё ещё звучат в ушах. Сердце глухо стучит, отдаваясь эхом в груди. Эта странная пустота внутри... Она глохнет меня, разрастается, заполняет собой всё. Как будто я что-то потеряла, но не могу понять что.

Может, свой рассудок?

...11 дней

Я просыпаюсь резко, словно меня выдернули из сна. В комнате темно, но я мгновенно понимаю, что меня разбудило. Шаги. Снова. Глухой, приглушённый топот по полу. Будто кто-то медленно и осторожно передвигается по соседней комнате. Меня бросает в холодный пот. Горло сжимается, дыхание сбивается. Я замираю, вцепившись в одеяло так, что костяшки пальцев белеют. Сердце колотится бешено, с такой силой, что мне кажется, его стук разносится по всей комнате. Нужно успокоиться. Мне просто показалось. Это просто сон.

Но через пару секунд шаги снова раздаются. Громче. Ближе. Боже. Кто-то есть в моей квартире. Тело парализует страхом. Я слышу, как кровь шумит в ушах, как адреналин прожигает каждую клетку. Кажется, что даже темнота вокруг стала гуще, плотнее, как будто вот-вот сомкнётся вокруг моей шеи, и я задохнусь.

Рука сама тянется к телефону на прикроватной тумбочке. Пальцы дрожат так сильно, что я едва могу разблокировать экран. Судорожно нахожу контакт Гаррета, нажимаю вызов и прижимаю трубку к уху, затаив дыхание, вслушиваясь. Шаги затихают. Я зажмуриваюсь, сжимая губы, чтобы не выдать себя даже дыханием. Сердце бешено рвётся из груди, время растягивается в мучительное ожидание. Гудки идут. Один. Второй. Третий. А затем... Пол скрипит. Прямо за дверью моей спальни. Я уже хочу сбросить вызов, но в последний момент он наконец отвечает.

– Элли? – голос Гаррета сонный, хриплый. – Что случилось?

Я замолкаю. В этот момент становится абсолютно очевидно, что сейчас ночь, и он спал. Я прикусываю губу.

– Прости, я тебя разбудила.

– Всё нормально... – слышу, как он зевает. – Что-то случилось? Ты в порядке?

В его голосе я улавливаю волнение. Он чувствует, что меня что-то беспокоит. Но как я ему всё объясню? Я колеблюсь, но потом глубоко вдыхаю.

– Да, всё в порядке. Просто... проснулась. Показалось, что телефон вибрировал. Подумала, вдруг это ты звонил. А спросонья даже не проверила.

– Точно всё нормально? Элли?

Я выдавливаю короткий смешок.

– Спи, Гаррет. Всё в порядке.

– Ладно... если что, звони.

Я заканчиваю звонок, но даже после этого продолжаю сидеть на кровати, не двигаясь.

Прислушиваюсь. Тишина. Шагов больше нет. Я не хочу выходить из спальни. Мне страшно, вдруг там и правда кто-то есть. Хотя я точно помню, как закрывала входную дверь на ключ... или нет? Но если я не проверю, то просто не смогу снова заснуть.

Я скидываю одеяло, медленно опускаю ноги на пол, поднимаюсь. Заставляю себя сделать несколько неуверенных шагов на дрожащих ногах. Пол кажется ледяным. Иду по коридору в гостиную. Всё вроде лежит на своих местах. Никаких следов, что тут кто-то был. Я осматриваюсь, чувствуя, как внутри нарастает смешанное чувство ужаса и собственной глупости. Может, и правда показалось? Подхожу к входной двери и дёргаю за ручку – закрыто. Возвращаюсь в гостиную. Подхожу к полке – книги стоят ровно. Шкаф, стол, подушки на диване – ничего не сдвинуто. Я открываю шкаф возле ванной, где обычно лежат спортивные вещи Гаррета. Всё аккуратно сложено.

И в этот момент меня озаряет. Все странности с мистическим перемещением вещей происходили только при нём. Книги переставлялись, вещи лежали не там, где должны, холодильник оставался приоткрытым...

Но сейчас, когда его нет, в квартире царит идеальный порядок. Я провожу рукой по лицу, выдыхаю. Значит, это всё он. Просто он. Чёртов Гаррет. Совсем довёл меня до паранойи. Я направляюсь обратно в спальню. Теперь, когда я нашла объяснение, мне становится намного легче, и я снова засыпаю.

Просыпаюсь от мягкого света, пробивающегося сквозь шторы. На улице уже давно наступило утро. Несколько секунд лежу неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям. Тревога, которая преследовала меня ночью, отступила, оставив после себя лишь лёгкую усталость и чувство недосыпа.

Медленно поднимаюсь с кровати, босые ноги касаются прохладного пола. Прохожу в ванную, умываюсь, стараясь стряхнуть остатки сонливости. Холодная вода освежает кожу, но внутри остаётся какое-то странное оцепенение, словно я действую механически, не до конца осознавая, что делаю. Я переодеваюсь и иду на кухню, достаю из холодильника продукты, начиная готовить завтрак. Руки двигаются автоматически – нарезать, поджарить, разложить по тарелке. Вкус еды почти не чувствуется, будто это просто необходимость заглушить потребность организма, а не удовольствие.

После завтрака убираю со стола, мою посуду, но всё это снова будто на автопилоте. Мысли путаются, ускользают, а в квартире стоит гнетущая тишина. Слишком тихо. Словно вместе с пространством вокруг, застыли и мои собственные мысли. Я включаю телевизор, надеясь разбавить эту пустоту. В комнате тут же раздаются голоса дикторов, ритмичные звуки рекламы, обрывки фраз из утренних шоу. Но звук быстро начинает раздражать, словно давит на виски. Я тут же убавляю громкость, оставляя её едва слышным фоном. Но даже это не избавляет от чувства, что я в этой тишине – совсем одна.

Мне нечем заняться. Работы нет, Гаррета нет. Друзья? Их тоже нет, если быть честной. У меня либо коллеги, с которыми мы говорим только о больнице, либо мама с сестрой, но с ними я тоже давно не созванивалась. Они бы только в очередной раз читали мне лекции, а мне сейчас точно не до этого. Я бросаю рассеянный взгляд на балкон, и внутри что-то странно сжимается.

Только сейчас я вдруг осознаю, что хочу поговорить с Кларком. Просто услышать его голос, перекинуться парой слов ни о чём. Я морщю лоб, пытаюсь понять, откуда взялось это желание. Мы едва общаемся, максимум – вежливые фразы в подъезде или случайные встречи на этом самом балконе. Но что-то в его присутствии зацепило меня. Возможно, его спокойствие. Или этот странный внимательный взгляд, которым он иногда смотрит на меня, будто знает обо мне больше, чем должен. Может, мне просто хочется отвлечься. Заполнить эту гнетущую тишину чужим голосом, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. Я поджимаю губы и отворачиваюсь. Всё это глупо. Мне не о чем с ним говорить. И всё же какое-то внутреннее желание не даёт мне покоя. Откинув эти мысли, я решаюсь, выхожу на балкон, встаю у перил и зову:

– Кларк!

Тишина. Я перегибаюсь через перила, заглядываю в его квартиру через стеклянную дверь балкона. Пусто. Дверь закрыта, на столе стоит пепельница, но в ней нет окурков от сигарет. Его тоже нет. Видимо он не дома. Почему-то мне от этого не по себе. Глупо. Чего я вообще ожидала? Что он будет сидеть там, за дверью и ждать, когда я его позову? Конечно, у него есть своя личная жизнь. Но всё равно внутри сжимается что-то неприятно. Я возвращаюсь в квартиру, но снова не нахожу себе места. Меня раздражает это чувство. Это просто сосед. Просто человек, с которым приятно поговорить. Почему же меня беспокоит, что его нет? Я делаю глубокий вдох и бросаюсь на диван. Нужно чем-то заняться, чем угодно. Главное – не думать. Не думать о нём.

Врач посоветовал мне чаще бывать на свежем воздухе. Что ж, стоит попробовать. Я натягиваю первое, что попадается под руку – легкую футболку и джинсы, накидываю сверху кофту

и выхожу из квартиры. В подъезде тихо, только гулкое эхо шагов отдаётся от стен. Спускаясь вниз, я сильнее кутаюсь в тонкую ткань, будто она сможет уберечь меня от чего-то опасного.

На улице пахнет дождём. Ветер почти не чувствуется, но воздух свежий, насыщенный влагой, будто природа тоже взяла передышку. Я медленно иду по парку, прислушиваясь к скрипу гравия под ногами. Лёгкий запах мокрой земли перемешивается с ароматами листвы. Здесь спокойно. Вдалеке пара подростков смеются, бросая мяч, мимо пробегает мужчина в наушниках, тяжело дыша, родители неторопливо ведут детей за руки. Я сажусь на лавочку, вытягиваю ноги и прикрываю глаза. Несколько секунд ничего не делаю, просто слушаю: ровное дыхание, шорох листьев, приглушенные голоса. Всё ощущается таким правильным, привычным. На минуту мне даже кажется, что я нормальная. Что вся эта тревога, бессонные ночи и странные провалы в памяти – просто плод воображения. Я глубже вдыхаю прохладный воздух и стараюсь не думать ни о чём.

Всё хорошо. Всё под контролем.

Я встаю и начинаю идти, сама не знаю куда. Брожу по парку, никуда не торопясь. Неспешные шаги, ровное дыхание. Кажется, если идти достаточно долго, можно стереть из головы всё лишнее, оставить позади тревогу, страхи, растерянность. Порой я ловлю себя на том, что просто наблюдаю за людьми. За парой, что сидит на траве, тихо переговариваясь. За мужчиной в строгом костюме, который говорит по телефону, поправляя наручные часы. За девушкой с книгой, что сидит на скамейке, время от времени улыбаясь чему-то на страницах. У них спокойные лица. Безмятежные. Будто их мир – это ровная, предсказуемая белая полоса. Мне бы так. Я пытаюсь не думать. Просто двигаться вперёд. Свернуть на другую аллею, спуститься к воде, пройти вдоль берега. Я провожу на улице несколько часов, просто блуждая. От парка перехожу в центр города, сливаясь с толпой, затем снова ищу тихие места. Я даже захожу в маленькое кафе на углу, заказываю чай, но не пью его – просто смотрю, как от кружки поднимается лёгкий пар. Мысли путаются. Я вспоминаю, как раньше мне казалось, что в жизни всё логично. Что я контролирую своё настоящее и знаю, что будет дальше. Теперь же всё ощущается зыбким. Как будто что-то ускользает сквозь пальцы, и я не понимаю, что именно.

Когда солнце начинает клониться к закату, я решаю вернуться домой. По пути захожу в пекарню, где приятно тянет запахом ванили и тёплого теста.

– Мистер Беннет! – радостно улыбаюсь, подходя к прилавку.

Добродушный мужчина поворачивается ко мне и тут же его лицо озаряет широкой улыбкой.

– Элли! Как же рад тебя видеть, девочка! – он опирается на прилавок, оценивающе смотрит на меня. – Выглядишь уставшей, всё так же много работаешь?

– Вы всегда так говорите, – шучу я. – Может, просто у вас в пекарне плохое освещение?

– Возможно, возможно. – Он хитро прищуривается. – Что возьмёшь сегодня?

– Эклеры, конечно. Ваши самые лучшие.

– В этом я не сомневался, – он берёт бумажный пакет, ловко складывает внутрь свежую выпечку с шоколадной начинкой. – Но вот что скажу, Элли: ты слишком много работаешь. Надо себя баловать не только сладостями, но и отдыхом.

– Я уже в отпуске.

– Вот и славно, значит, скоро снова увижу тебя здесь.

Я смеюсь, расплачиваюсь и прощаюсь, выходя обратно на улицу.

Пакет с выпечкой приятно греет ладони, тонкий бумажный слой пропитан лёгким ароматом шоколада и тёплого теста. Я сжимаю его чуть крепче, словно стараясь сохранить это уютное ощущение. На улице уже сгущаются сумерки, но воздух всё ещё наполнен тёплой прохладой уходящего дня. Я вдыхаю глубже. Где-то вдалеке слышится детский смех, шум машин, приглушённые разговоры прохожих. Город медленно готовится ко сну, а я неспешно иду вперёд, наслаждаясь этим редким моментом уюта среди хаоса последних дней.

Когда я подхожу к дому, машинально поднимаю голову – и замираю. Кларк стоит на своём балконе и курит. Я почти зову его. Почти делаю шаг ближе, открываю рот... Но опаздываю. В дверях появляется она. Как же её зовут? Дженна? Джудит? Блин, память ни к чёрту. Высокая блондинка в коротком шёлковом халате лениво кладёт руку Кларку на плечо, а затем тянется за поцелуем. Я застываю на месте. Её тонкие пальцы медленно скользят по его шее, и Кларк никак не сопротивляется. Напротив – он спокойно прижимает её ближе, целует, не торопясь, будто смакуя каждый момент.

Что-то внутри меня неприятно сжимается в тиски. Я смотрю, как легко и естественно она касается его лица, как он прижимается ближе. Мне нужно уйти. Но не могу. Не знаю, сколько времени стою так, будто выросла в пол. В груди возникает странная тяжесть – не злость, не ревность... просто тягучее, неприятное ощущение, похожее на комок, застрявший в горле. Сердце стучит быстрее, чем должно, но я не делаю ни шага. Пока вдруг резко не одёргиваю себя, словно спохватившись.

Боже, что я делаю?! Я стою перед домом и пялюсь на них, как какая-то... Как какая-то жалкая, одержимая идиотка. Мне становится стыдно – за то, что застыла здесь, за то, что не смогла сразу отвернуться, за это дурацкое чувство внутри, которое я даже не могу распознать.

Резко поворачиваюсь и быстрым шагом захожу в подъезд. Шум улицы остаётся позади, сменяясь приглушённой тишиной. Просто иду вверх по лестнице, шаг за шагом, пока не оказываюсь у двери своей квартиры. Закрывшись изнутри, я бросаю взгляд по сторонам. Всё на своих местах. Прохожу дальше по коридору, останавливаюсь у двери в комнату. Осматриваю её внимательно, цепляясь взглядом за каждую деталь. Но нет. Всё идеально, ровно там, где должно быть. Я с облегчением вздыхаю, но тревога не уходит.

Я медленно прохожу к кухне, чувствуя, как напряжение всё ещё держит меня в тисках. Останавливаюсь у стола, машинально достаю из пакета эклер и разрываю обёртку. Первый укус кажется опьяняюще сладким, густой крем мягко растекается по языку, но вкуса я почти не чувствую. Просто жую, сосредотачиваясь на движении челюсти. Может, это хоть как-то отвлечёт. Но нет. Чувство сжатого узла внутри не проходит. Я опускаю взгляд на тёмную столешницу, и пальцы сами собой тянутся к ящичку. Открываю его, нахожу упаковку с успокоительными, достаю одну, кладу на язык. Проглатываю, даже не утруждаясь запить водой. Просто нужно немного успокоиться. Немного приглушить мысли. Всё будет в порядке.

Всё нормально. Всё под контролем.

...10 дней

Утром я медленно открываю глаза и впервые за долгое время чувствую себя отдохнувшей. Никаких звуков ночью, никаких шагов... абсолютная тишина. Я лежу, вглядываясь в потолок, и осознаю, что выпалась. Полноценно. Впервые за много дней чувствую себя спокойно.

Я встаю, принимаю душ, позволяя горячей воде окончательно прогнать остатки сна. Затем умываюсь, сушу волосы и смотрю на себя в зеркало. Я даже выгляжу лучше. Чуть менее уставшей. Чуть более живой. Пройдя на кухню, открываю шкафчик, достаю упаковку таблеток и кладу одну на ладонь. Глотая её вместе с водой, я чувствую облегчение – не от лекарства, а от самого факта, что я наконец-то делаю что-то, чтобы помочь себе. Я наливаю чашку крепкого кофе, наслаждаясь его ароматом, и с ней выхожу на балкон. Город медленно просыпается. На улице прохладно, воздух свежий, вдалеке слышны утренние звуки машин. Я делаю глоток, опираюсь на перила и впервые просто наслаждаюсь моментом.

Но внезапно слышу звук открывающейся двери. Я вздрагиваю и оборачиваюсь.

Кларк.

Он выходит на свой балкон, встряхивает волосы рукой и достаёт сигареты из кармана. Замечает меня и улыбается.

– Доброе утро, Элли.

Я ловлю себя на мысли, что рада его видеть.

– Доброе, – я тоже улыбаюсь, делая ещё один глоток кофе.

– Как ты? Выглядишь... лучше, чем в прошлый раз.

– Да. Я наконец-то нормально выпалась.

Кларк одобрительно кивает. Он подкуривает сигарету, выпуская в воздух густой дым.

– Вот видишь? Говорил же, что тебе нужен отдых.

Я фыркаю.

– Неужели ты был прав?

– Всегда, – он ухмыляется.

Мне нравится этот разговор. Спокойный. Лёгкий. Обычный. Как будто со мной всё в порядке.

– Я действительно чувствую себя намного лучше. Видимо отпуск идёт мне на пользу.

Кларк усмехается.

– Раз ты теперь в отпуске, чем планируешь заняться?

Я задумываюсь.

– Не знаю. Пока просто... отдыхаю.

– Ну, если вдруг захочешь развлечься, у меня есть пара мыслей.

Я поднимаю бровь.

– Например?

– Например, – он делает очередную затяжку, – тебе стоит попробовать что-то новое.

Что-то, что ты никогда раньше не делала. Допустим, пойти на крышу среди ночи и кричать в пустоту. Знаешь, говорят, помогает выпустить всё, что копится внутри.

Я улыбаюсь, но он продолжает, не обращая внимания:

– Или можно забраться в чей-нибудь бассейн после полуночи. Без приглашения. Просто ради адреналина.

Я закатываю глаза, но он не останавливается:

– А ещё... Можно попробовать спрятаться в закрытом парке аттракционов. Посмотреть, каково это – быть там в полной тишине, без людей. Почувствовать себя главной героиней фильма ужасов.

Он усмехается, глядя, как я качаю головой.

– Ну, или что-нибудь более простое. Например, позволить себе вечер без правил. Делать, что хочется, не думая о последствиях. Разве это не заманчиво?

Я закатываю глаза.

– Все твои варианты звучат подозрительно.

Кларк смеётся.

– Подумай об этом.

Я снова делаю глоток кофе, ощущая неожиданное тепло от этого утреннего разговора. Мне нравится быть рядом с ним. И это начинает меня пугать. Кларк делает очередную затяжку, выпускает в воздух кольцо дыма и вдруг говорит:

– Раз тебе нравится, как я играю, могу тебя немного научить.

Я теряюсь.

– Научить?

Он кивает, глядя на меня с лёгкой улыбкой.

– Ну да. Это не так сложно, как кажется.

Я неловко усмехаюсь, пытаюсь скрыть внезапное волнение.

– А твоя девушка... она не будет против?

Кларк лениво пожимает плечами.

– Она ушла на работу. Да и, Элли, я ведь не предлагаю тебе ничего постыдного, – он смотрит прямо мне в глаза, улыбаясь. – Это просто урок игры на пианино.

Я чувствую, как по щекам разливается жар. Чёрт, о чём я вообще думала?

– Конечно... Я просто... – я кашляю, пытаюсь скрыть неловкость. – Ну... тогда я сейчас зайду.

Но Кларк неожиданно качает головой.

– Зачем далеко ходить? – он хитро улыбается, постукивая пальцами по перилам. – Перелезай.

Я моргаю.

– Что?..

– Перелезай, – повторяет он, явно развлекаясь. – Ты что, боишься?

Я открываю рот, чтобы сказать, что никогда так не делала, что это глупо, что я не ребёнок, чтобы баловаться... Но вдруг понимаю, что мне и самой хочется попробовать. Я кладу чашку с недопитым кофе на пол, осторожно подхожу ближе, обхватываю руками холодные перила. Кларк делает шаг вперёд и протягивает мне руку.

– Я тебя поймаю.

Я не должна этого делать. Но я берусь за его ладонь. Аккуратно перебираюсь через перила. Сердце бешено стучит – я даже не думала, что это так по-новому захватывающе. Кларк уверенно придерживает меня за талию, когда мои ноги касаются пола его балкона.

– Видишь? Ничего сложного.

Я смотрю на него, и меня вдруг охватывает странное волнение.

– Ты просто обожаешь выводить людей из зоны комфорта, да?

– Ну, теперь твоя зона комфорта официально расширилась, – он похлопывает меня по плечу. – Заходи.

Кларк открывает дверь в квартиру, и я переступаю порог. Внутри тепло и уютно. Я осматриваюсь. Современная, но не холодная обстановка – светлые стены, деревянный пол, тёмно-серая мебель. На стене аккуратно развешены фотографии, но не семейные, а больше похожие

на работы фотографа – городские пейзажи, силуэты людей в движении. Книжная полка, идеально разложенные вещи. В углу стоит электронное пианино.

– У тебя тут... очень уютно, – говорю я искренне.

Кларк проходит вглубь комнаты, проводя пальцами по спинке дивана.

– Спасибо. Ну что, готова к первому уроку?

Я бросаю взгляд на пианино и вдруг понимаю, что на самом деле хочу попробовать. Кларк отходит в другую комнату и через несколько секунд возвращается со стулом в руках. Он садится и жестом предлагает мне устроиться рядом. Я нерешительно опускаюсь на стул, чувствуя странное волнение.

– Хорошо, начнём с самого простого, – говорит он, касаясь клавиш. – Смотри.

Он нажимает пару клавиш, создавая мягкий, приятный звук. Его пальцы двигаются легко, уверенно, и я заворожённо слежу за ними.

– Теперь попробуй ты, – он кивает мне.

Я медленно поднимаю руки и повторяю движение, но у меня выходит неуклюже. Ноты звучат не так, пальцы соскальзывают, и я раздражённо вздыхаю.

– Не так уж это и просто, – фыркаю я.

Кларк усмехается.

– Дай мне руки.

Я не успеваю понять, что он хочет сделать, как его пальцы уже накрывают мои. Тёплые, мягкие. Он аккуратно направляет мои руки, медленно повторяя движения. Его ладони обволакивают мои, подсказывая, какие клавиши нажимать. Но...

Я не думаю о клавишах. Я ощущаю тепло его рук. Они такие уверенные, крепкие, но при этом движения нежные и аккуратные. Я всматриваюсь в его лицо. Кларка трудно назвать классическим красавцем, но он... обаятельный. В его чертах есть что-то цепляющее. Спокойствие, уверенность, что-то необъяснимо притягательное. И рядом с ним комфортно. Слишком комфортно.

В этот момент наши взгляды встречаются, и я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание. Я снова всматриваюсь в его глаза. Один – карий. Тёплый, спокойный. Другой – зелёный. Чуть светлее цвета травы, с таинственным отблеском. Такой необычный контраст. И почему-то мне кажется, что он видит меня насквозь. Мои пальцы застывают на клавишах, но Кларк не спешит отпускать мои руки. Его пальцы всё ещё обхватывают мои, взгляд прикован ко мне. Я не отвожу глаз. Близо. Слишком близо. Меня вдруг охватывает странное чувство, почти электрическое напряжение. Будто воздух стал гуще, будто я чувствую его слишком сильно. Мне нужно что-то сказать. Что угодно. Я отвожу взгляд, неловко смеюсь, пытаюсь разрядить обстановку.

– Ну... думаю, в музыке мне не суждено преуспеть.

Кларк медленно отпускает мои руки, но его взгляд остаётся пристальным.

– Ты слишком быстро сдаёшься, Элли.

Моё сердце странно замирает от того, как тихо и ласково он произносит моё имя.

– Возможно, – пожимаю я плечами, снова пытаюсь переключиться.

Но я больше не могу сосредоточиться на пианино. Я чувствую его дыхание рядом. Его тёплый взгляд. Как кончики его пальцев едва касаются моей кожи, прежде чем он окончательно убирает руки. Мне нужно что-то сделать. Но единственное, что я могу, – это просто чувствовать его рядом. Я заставляю себя отстраниться, выпрямляюсь и делаю вид, что ничего особенного не произошло.

– Думаю, для первого урока хватит, – говорю я с улыбкой, вставая из-за пианино.

Кларк ухмыляется, но ничего не говорит. Только кивает. Я направляюсь к выходу, но вдруг осознаю проблему.

– О. – Я моргаю, пытаюсь не выглядеть глупо. – Моя входная дверь заперта изнутри. Значит, мне снова придётся перелезть через балкон?

Он улыбается и пожимает плечами.

– Видимо, да.

Я закатываю глаза, но внутри что-то приятно щекочет. Я снова перелезаю через перила, и Кларк помогает мне, крепко удерживая за запястья. Его прикосновение недолгое, но такое осязаемое.

– Ну вот, теперь ты точно профи, – усмехается он, когда я снова оказываюсь на своём балконе.

– Не уверена, что хочу практиковаться в этом, – фыркаю я.

– Посмотрим.

Он подмигивает мне и уходит в квартиру, а я остаюсь стоять у перил, ещё несколько секунд смотря ему вслед. Чёрт. Я трясую головой, пытаюсь прогнать странное волнение. Первое, что бросается в глаза – кружка с кофе на полу. Я машинально беру её, чтобы отнести в раковину, но мои мысли витают уже далеко не здесь.

Весь оставшийся день проходит в каком-то странном оцепенении, словно я существую отдельно от самой себя. Я перелистываю страницы книги, но слова расплываются перед глазами, теряя смысл. Я ловлю себя на том, что перечитываю одно и то же предложение снова и снова, но оно остаётся пустым набором букв. Я включаю телевизор, но голоса персонажей звучат как фоновый шум, ничего не оставляя в сознании.

Картинка сменяется одна за другой, но я даже не понимаю, что смотрю. А мысли снова и снова возвращаются к Кларку. К тому, как он держал мои руки, как смотрел на меня – взгляд тёплый, внимательный, обволакивающий. В нём было что-то ещё. Чуть глубже. Я закрываю глаза, но вместо тьмы передо мной вспыхивает воспоминание. Момент, который длился всего несколько секунд, но теперь застрял внутри, цепляясь за сознание. Между нами что-то мелькнуло. Что-то странное, непонятное. Это ощущение застряло в груди, тянет изнутри, не отпуская. И чем больше я пытаюсь отвлечься, тем сильнее оно разрастается.

...9 дней

Я просыпаюсь поздно, когда солнце стоит уже высоко в небе. Долго остаюсь в кровати, наслаждаясь покоем. Мне не хочется вставать, но я заставляю себя, выходя из комнаты.

Прошедший день оставил странное, но приятное послевкусие. Впервые за долгое время мне легко. Будто я наконец выбралась из серого, вязкого болота рутины, которое медленно, но верно засасывало меня, не давая даже нормально дышать. Сегодня мне не хочется думать о прошлом, о привычных заботах. В квартире царит тишина, и это не тяготит, как раньше. Теперь она воспринимается по-другому. Она не давит на меня, не напоминает о том, что я одна. Напротив, она словно дарит мне пространство для себя, для того чтобы просто быть. Квартира пуста, но это не вызывает прежнего чувства одиночества. Сегодня всё кажется... легче.

Я лениво плетусь на кухню, включаю чайник, и пока вода медленно закипает, инстинктивно открываю выдвижной ящик. Мои пальцы нащупывают тонкую пластинку с таблетками. Я выдавливаю одну на ладонь и запиваю холодной водой из-под крана, стараясь не сбить это странное, но такое приятное состояние душевного спокойствия, которое наполняет меня. Я не хочу позволить тревоге вновь взять верх. Пока чай заваривается, я сижу за обеденным столиком, думаю о вчерашнем разговоре с Кларком. О его словах. Они крутятся в голове, оставляя после себя ощущение чего-то вдохновляющего. Чего-то важного. Я пытаюсь понять, что именно.

"Тебе стоит попробовать что-то новое. Что-то, что ты никогда раньше не делала."

Я тогда лишь усмехнулась, не придав этому особого значения. В тот момент его слова показались мне обычным пустым разговором, не более того. Но теперь... Теперь эти слова как будто засели в сознании, словно заноза. Они не отпускают, возвращаются ко мне снова и снова. Странно. Что-то новое, что-то, что я не привыкла чувствовать.

Я замираю на секунду, погружаясь в мысли. Чем я вообще живу? Работа, дом, редкие попытки отдыха, которые давно не приносят радости. Каждый день одно и то же – дежурства, смены, постоянная усталость. И так по кругу, день за днём. Иногда я даже не замечаю, как прошли недели. Словно живу на автопилоте, не задаваясь вопросом, чего я на самом деле хочу. Мне просто нужно двигаться, не останавливаться, чтобы не потерять контроль.

Но сегодня я ощущаю что-то другое. Сегодня в груди что-то щемит. Лёгкое, странное волнение, которое я не могу игнорировать. Оно не дает мне покоя. Я не могу понять, откуда оно, но оно здесь. Внутри. Будто какой-то новый импульс, который я никогда раньше не замечала. И мысль, что мне нужно что-то менять. Какая-то непонятная, но яркая потребность что-то попробовать.

А если действительно, взять и попробовать? Эта идея не покидает меня, и я понимаю, что стоит хотя бы задуматься. Может быть, всё, что я делала до этого, было лишь желанием убежать от настоящего? Мои попытки сосредоточиться на привычных вещах всегда были просто способом отвлечься от того, чего я на самом деле хочу. Но что если я попробую сделать что-то по-настоящему новое? Что если это действительно поможет мне выбраться из этой замкнутой реальности, в которой я застряла?

Я ставлю перед собой кружку чая, её теплый пар окутывает лицо, но я не обращаю на это внимания. Вместо этого беру ноутбук и медлю. Клавиши под моими пальцами кажутся холодными, а экран – пустым и безжизненным. Я не сразу начинаю набирать текст. В голове шумят и путаются мысли, но одна из них становится ясной и чёткой, как никогда раньше.

Я всегда хотела писать. Ещё в школе, в те далекие дни, когда всё было проще, когда у меня было столько идей, столько историй, рвущихся наружу. Каждая мысль, каждый образ казались такими живыми, такими настоящими, что я не могла дождаться, чтобы поделиться

ими с миром. Но реальная жизнь забрала это желание, как что-то ненужное, убила его в зародыше. Работа, усталость, нехватка времени – всё это гасило любую искру вдохновения ещё на стадии мысли, пока не оставалось ничего, кроме рутины. Всё это, эти годы, что я провела, не делая того, о чём мечтала, теперь кажется мне таким далёким. Но сейчас, в этой тишине, у меня есть возможность попробовать. Сейчас я свободна, по крайней мере, в том смысле, что могу сделать шаг в сторону своей мечты. И вот, наконец, я чувствую, как внутри что-то шевелится. Лёгкая волна, как когда-то давно, когда я писала свои первые строки. Может быть, не получится с первого раза. Может быть, это будет не идеальный текст. Но это будет мой текст. Мой шаг в сторону того, о чём я когда-то мечтала. Я беру чашку чая, делаю глоток и медленно ставлю её обратно. Теперь я готова.

Я открываю пустой документ, и взгляд невольно задерживается на мерцающем курсоре. Он как маленькая искра на фоне пустого экрана. Замираю, некоторое время просто смотрю на него. И вдруг, неожиданно, слова начинают складываться в предложения сами собой. Пальцы, словно помнящие эти движения, начинают бегать по клавишам, не требуя усилий. Мысли вдруг формируются в образы, а образы превращаются в сцены.

Два незнакомца. Случайное знакомство на соседних балконах. Взгляды пересекаются через перила, и с этого момента всё меняется. Их разговоры сначала были обыденными, незначительными. Но чем больше они общались, тем больше слова становились чем-то важным, чем-то необходимым. Напряжение между строками, невысказанные мысли и чувства. И, как всегда бывает в романтических книгах, между ними, как невидимая нить, медленно нарастает притяжение. Запрещённое, но неизбежное.

Я пишу, не замечая, как погружаюсь в этот поток фантазий. Время теряет значение. Мир вокруг будто растворяется. Все те дела и заботы, что обычно заполняют моё сознание, исчезают, остаются лишь слова. Каждая фраза, каждый абзац ощущаются как открытие, как возможность. И с каждым словом появляется уверенность, что я не зря начала. Я снова нашла то, что когда-то потеряла. Страсть к тому, чем я занимаюсь. Когда, наконец, я отрываюсь от экрана, с удивлением замечая, что на улице уже почти темно. Солнце, которое стояло высоко в небе, когда я начала писать, теперь склонилось к горизонту. Время ускользнуло, а я... я чувствую, что давно не была так довольна собой.

...8 дней

Я просыпаюсь с удивительным ощущением лёгкости, будто за ночь мой разум очистился от привычной тяжести. Вчерашний день пролетел, словно одно короткое, но яркое мгновение, и впервые за долгое время я не чувствую усталости.

Я ненадолго задерживаюсь в постели, наслаждаясь этим редким состоянием покоя, но потом решаю не засиживаться. Встаю с кровати и прохожу в гостиную. В квартире тихо, но тишина больше не кажется гнетущей. Она уютная, обволакивающая. Балконная дверь слегка приоткрыта, и в комнату задувает всё ещё свежим после ночного дождя воздухом. Тёплые лучи солнца пробиваются сквозь лёгкую облачность. Не хочу сидеть дома. Достаю стакан, наливаю апельсиновый сок, запивая им успокоительное.

Быстро переодеваюсь в спортивный костюм, накидываю лёгкую ветровку и выхожу, не ставя перед собой цели, просто двигаясь вперёд. Выхожу из подъезда, иду медленно, вбирая в себя окружающий мир: редкие машины, плавно скользящие по дороге, лёгкий шелест листьев, детский смех вдалеке. Наблюдаю за прохожими – кто-то спешит по своим делам, кто-то гуляет с собакой, кто-то, как и я, просто неспешно идёт, наслаждаясь утром. В этот момент я ни о чём не тревожусь. Просто живу.

Когда я возвращаюсь домой через пару часов, внутри всё ещё царит удивительная лёгкость. Прогулка подарила мне редкое чувство спокойствия, и я даже не сразу понимаю, что улыбка до сих пор играет на моих губах.

Поднимаясь по лестнице, я неспешно вытаскиваю ключи из кармана, наслаждаясь приятной усталостью в ногах. Вставляю ключ в замочную скважину, поворачиваю, толкаю дверь... И замираю. В гостиной, рядом с диваном, стоит Гаррет. Его чемодан всё ещё стоит на пороге закрытым, а ботинки сброшены небрежно, как будто он только что зашёл. Он вернулся. Раньше, чем планировал. Я чувствую, как лёгкость, наполнявшая меня всего несколько секунд назад, исчезает, уступая место чему-то странному и тягучему. Сердце сжимается – не от радости, не от волнения, а от разочарования. И тут же я мысленно одёргиваю себя, ругая за эту реакцию. Это же Гаррет. Мой парень. Разве я не должна радоваться его возвращению? Разве его присутствие не должно приносить облегчение? Но всё, что я ощущаю в этот момент, – это раздражение. Как будто он вторгся в мой уютный, едва нащупанный мирок, разрушая его своим внезапным появлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.